

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ЯЗЫК НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

LANGUAGE OF SCIENCE AND PROFESSIONAL COMMUNICATION

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 № 2(3)

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Основан в 2020 году
Выходит два раза в год

Индекс подписки в каталоге
Агентства «Роспечать»: 88740

Цена для подписчиков 330 рублей,
в розничной продаже – свободная

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуни-
каций (свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-77983 от 27 марта 2020 г.)

Сайт журнала: <http://сгюа.рф/ru/yazyknauki>

© ФГБОУ ВО «Саратовская государствен-
ная юридическая академия»

ISSN 2658-5138

Редакционная коллегия :***Главный редактор :***

доктор филологических наук, профессор *А. А. Зарайский* (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора :

доктор филологических наук, доцент *Е. Ю. Балашова* (Саратов, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент *Е. Г. Вьюшкина* (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (русский язык) :

доктор филологических наук, профессор *Е. А. Елина* (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (английский язык) :

доктор юриспруденции, магистр прикладной лингвистики

Дж. Т. Дандон (Нью Йорк, США)

Ответственный секретарь:

кандидат филологических наук, доцент *К. В. Данилов* (Саратов, Россия)

Члены международной редакционной коллегии:

доктор филологических наук, доцент *О. Ю. Авдевина* (Саратов, Россия)

PhD, доцент *С. Билова* (Брно, Чешская Республика)

доктор филологических наук, профессор *Т. А. Гордеева* (Пенза, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент *И. Ю. Ессина* (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, профессор *В. П. Жуковский* (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор *Т. А. Ивушкина* (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент *С. В. Кекова* (Саратов, Россия)

PhD, MA, лектор *А. Лучак* (Варшава, Польша)

доктор педагогических наук *В. Мажейкене* (Вильнюс, Литва)

доктор филологических наук, профессор *Нямжав Нансалмаа* (Улан-Батор, Монголия)

доктор филологических наук, профессор *Г. Найак* (Дели, Индия)

доктор филологических наук, профессор *З. Л. Новоженова* (Гданьск, Польша)

доктор филологических наук, доцент *Л. П. Прокофьева* (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, доцент *С. А. Рисинзон* (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор *О. С. Родионова* (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, доцент *И. Тосункуоглу* (Карабюк, Турция)

доктор филологических наук, профессор *С. П. Хижняк* (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, доцент *К. Г. Чикнаверова* (Москва, Россия)

Editorial Board :***Editor-in-Chief***

Dr. habil., Prof. *A. A. Zarayskiy* (Saratov, Russia)

Deputies Editor-in-Chief

Dr. habil., Associate Prof. *E. Yu. Balashova* (Saratov, Russia)

Ph.D., Associate Prof. *E. Yu. Vyushkina* (Saratov, Russia)

Editor for the Russian Language

Dr. habil., Prof. *E. A. Elina* (Saratov, Russia)

Editor for the English Language

J.D., MA in Applied Linguistics *J. T. Dundon* (New York, USA)

Executive Secretary

Ph.D., Associate Prof. *K. V. Danilov* (Saratov, Russia)

Members of the International Editorial Board :

Dr. habil., Associate Prof. *O. Yu. Avdevnina* (Saratov, Russia)

PhD, Assistant Prof. *S. Bilová* (Brno, Czech Republic)

Dr. habil., Prof. *T. A. Gordeyeva* (Penza, Russia)

PhD, Associate Prof. *I. Yu. Essina* (Saratov, Russia)

Dr. habil. Prof. *V. P. Zhukovsky* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *T. A. Ivushkina* (Moscow, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *S. V. Kekova* (Saratov, Russia)

PhD *A. Łuczak* (Warsaw, Poland)

Dr. of Education *V. Mažeikienė* (Vilnius, Lithuania)

Dr., Prof. *Niamzhav Nansalma* (Ulaanbaatar, Mongolia)

DPhil, Prof. *G. Nayak* (Delhi, India)

Dr. habil., Prof. *Z. L. Novozhenova* (Gdansk, Poland)

Dr. habil., Associate Prof. *L. P. Prokofieva* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *S. A. Risinzon* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *O. S. Rodionova* (Saratov, Russia)

Dr., Associate Prof. *İ. Tosuncuoğlu* (Karabük, Turkey)

Dr. habil., Prof. *S. P. Khizhnyak* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *Chiknaverova K. G.* (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Зарайский А.А.</i> Жаргон как элемент коммуникации представителей студенческого социума.....	5
<i>Хижняк С.П.</i> Феминитивы vs гендерно нейтральные слова со значением профессий в русском и английском языках.....	24
<i>Batsuren Renchin.</i> Codes of culture in the English, Russian and Mongolian languages (on the material of idioms with the “fire”-component).....	38
<i>Тупикова С.Е., Семухина Е.А.</i> Заимствования как средство реализации персуазивности в англоязычном медиадискурсе.....	49
<i>Maksimova S.Yu., Matsyupa K.V.</i> The peculiarities of legal communication in foreign languages.....	59
<i>Шиндель С.В.</i> Антисимметричные семантические структуры романа Генриха Бёлля «Глазами клоуна».....	70

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Калмазова Н.А.</i> Некоторые аспекты начального обучения письменному переводу....	78
<i>Игнаткина А.Л., Тосункуоглу И.</i> Использование открытых образовательных интернет-ресурсов в преподавании и изучении английского языка в сфере юриспруденции.....	91
<i>Зотеева Т.С.</i> Цифровая среда как ключевой компонент в преподавании английского языка.....	109

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

<i>Кузнецова Ю.А.</i> Лингвокультурные концепты (Игнаткина А.Л. Культура управления или технология манипулирования? PR: единство и борьба противоположностей. Саратов: Наука, 2017. 183 с.).....	117
О журнале.....	125

ЛИНГВИСТИКА (LINGUISTICS)

УДК 81'276.5:378.18

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10001

ББК 81.2-3

**ЖАРГОН КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТУДЕНЧЕСКОГО СОЦИУМА**

А.А. Зарайский, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, a-zarayskiy@list.ru

Аннотация. В начале третьего тысячелетия языковые контакты стали всеобъемлющими, что не может оставаться без внимания со стороны лингвистов, требуя глубокого и системного изучения. Глобальные перемены в современном обществе приводят к изменениям в экономическом, культурном и языковом облике разных стран, формируются новые понятия, ценности, новые общественные группы и субкультуры. Эти процессы затрагивают и молодежную языковую среду, обуславливая появление в ней новых лексических, грамматических и фразеологических единиц.

Как известно, в настоящее время выделяют различные виды жаргона: армейский жаргон, жаргон моряков, жаргон хиппи, рэперов, рокеров, спортивный, музыкальный, студенческий, и с появлением новых молодежных группировок их становится еще больше. Студенческий жаргон вызывает наибольший интерес к своему изучению, так как студенческая группа является самой большой. Необходимо отметить, что студенческий и молодежный жаргоны связаны между собой, так как большинство студентов – это молодежная среда. В связи с этим будет правомерным рассматривать некоторые вопросы, связанные с молодежным жаргоном.

Цель исследования – изучение лингвистических и экстралингвистических факторов формирования и пополнения студенческого жаргона в современном английском и русском языках.

Ключевые слова: жаргон, студенческий жаргон, коммуникация, лингвистические и экстралингвистические факторы формирования студенческого жаргона.

JARGON AS A COMPONENT OF STUDENT SOCIETY COMMUNICATION

Alexander A. Zarayskiy, ORCID: 0000-0002-6928-713X, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, a-zarayskiy@list.ru

Abstract. At the beginning of the 3rd Millennium, language contacts became comprehensive, which attracts linguists' attention, requiring deep and systematic study. Global changes in modern society lead to changes in the economic, cultural and linguistic image of different countries; new concepts, values, new social groups and subcultures are formed. These processes also affect the youth language environment, causing the emergence of new lexical, grammatical and phraseological units in it.

As we know, there are currently different types of jargon: army jargon, sailors' jargon, hippie jargon, rappers, rockers, sports, music, and student jargon. With the emergence of new youth groups, there are even more of them. Student jargon arouses the greatest interest in its study, since the student group is the largest among all others. It is obvious that student and youth jargons relate to each other since most students are young people. In this regard, it would be fair to consider some issues related to youth jargon.

The purpose of our research is to study the linguistic and extra-linguistic factors of the formation and replenishment of student jargon in modern English and Russian languages.

Keywords: jargon, student jargon, communication, linguistic and extra-linguistic factors in the formation of student jargon.

Введение

В настоящее время в лингвистике можно встретить различные определения понятия «жаргон», однако наиболее емким и приемлемым для настоящего исследования является определение жаргона В.Н. Ярцевой: «Жаргон (от франц. jargon) – разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста. От литературного языка жаргон отличается специфиче-

ской лексикой, фразеологией и особым использованием словообразовательных средств. Часть жаргонной лексики – принадлежность не к одной, а к многим (в том числе и уже исчезнувшим) социальным группам. Переходя из одного жаргона в другой, слова их общего фонда могут менять форму и значение. Лексика жаргона пополняется за счет заимствований из других языков, но большая ее часть создается путем переоформления, а чаще – переосмысления общеупотребительных слов» [1:151].

Довольно часто наблюдается смешение понятий «жаргон» и «сленг», в связи с чем считаем необходимым привести следующую цитату В.Н. Ярцевой: «Сленг – (англ. slang) – 1) то же, что жаргон (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам). 2) Совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи» [1:461]. Т.Ф. Ефремова в Толковом словаре русского языка дает следующее определение жаргона: «Жаргон – речь какой-нибудь социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных» [2].

И.Б. Голуб характеризует жаргонную лексику, которая «всегда используется для обозначения понятий, которые в общенародном языке уже имеют наименования» [3].

Значение жаргонизма в большинстве случаев является довольно широким и зависит от контекста. Часто выразительность жаргонной лексики содействует переходу слов в общеупотребительную лексику, не связанную строгими литературными нормами.

Большое количество жаргонных слов, используемых всеми слоями населения, можно отнести к жаргонизмам лишь с точки их происхождения, а в момент их изучения они уже относятся к просторечию. Появление и употребление жаргонных слов рассматривается как явление, которое может иметь негативное воздействие на развитие общества и родного языка.

Зафиксированное в словаре В.И. Даля слово «жаргон» воспринимается как заимствование из французского языка и соответственно просто переводится как «наречье», «говор», «произношение», «местная речь» [4]. В этом толковании подчеркивается отличие жаргона от кодифицированного языка, однако значение термина не имеет пренебрежительного оттенка.

У Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона к такому пониманию добавляется новое: «испорченное наречие», а также пояснение: «жаргоны иногда придумываются для известной цели, например, жаргоны воров, нищенствующих и так далее» [5].

В современном мире жаргонизмы расцениваются как отклонение от норм литературного языка. Нередко можно встретить тезис о том, каким образом жаргонная лексика влияет на речь, и в частности, на речь молодежи.

В связи с частым использованием жаргонизмов в речи можно проследить падение уровня грамотности среди молодежи. Молодежь, находясь под влиянием телевидения, радио, музыки, создает свой язык, употребляя жаргонную лексику, которая является полной противоположностью нормам литературного языка.

К сложившейся еще в XIX веке традиции изучать жаргоны профессиональной направленности прибавляются новые, социально-возрастные жаргоны. Причем, если провести границу между профессиональным жаргоном и общенациональной лексикой несложно, то определение рамок социально-возрастных жаргонов является непростым делом.

О понятии «студенческий жаргон»

С возникновением первых университетов можно предположить и зарождение студенческого жаргона. До сих пор не существует однозначного ответа, когда зародился сам термин «жаргон», однако есть данные, что жаргон уже существовал до XVII вв. С течением времени термин «жаргон» менял свое значение.

Можно предположить, что студенческий жаргон в разные века своего существования значительно отличался от студенческого жаргона XXI века. Несомненно, это связано, прежде всего, с предметами, преподаваемыми в

данном высшем учебном заведении, которые существенно отличались в XII, XIII и даже в XVIII веках.

В XXI веке, который можно назвать веком компьютерных технологий, появилось много изобретений, существенно повлиявших на жизнь людей, в частности, на молодежь, студентов. Компьютеризация учебного процесса внесла новый пласт лексики в студенческий жаргон, которым пользуются не только студенты, но и молодежь в целом, так как компьютерные технологии окружают нас в повседневной жизни. Это также способствует динамике развития русского и английского лексиконов [6:4].

Причины употребления жаргона в речи студентов

Среди наиболее значимых причин употребления жаргона в речи студентов можно выделить следующие:

- а) достижение определенного социального статуса в группе на основе принятия ее социальных и нравственных ценностей;
- б) ради забавы и удовольствия;
- в) для демонстрации остроумия;
- г) с целью избежать повседневной банальности употребления слов литературного языка, стремление к большей экспрессивности речи;
- д) для привлечения внимания к собственной персоне;
- е) для обогащения языка, придания лексической конкретности некоторым явлениям и предметам;
- ж) для акцентуации своей принадлежности к определенной профессии, для установления и поддержания контакта внутри данной социальной общности;
- з) для выполнения конспиративной функции;
- и) для создания собственной речевой маски [7].

Лингвистические и экстралингвистические факторы формирования и пополнения жаргона

Как известно, в существовании и функционировании языка основную роль играют определенные условия, которые так или иначе воздействуют на развитие языковой системы.

К лингвистическим факторам формирования и пополнения студенческого жаргона мы отнесем следующие:

1. Словообразование – образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, либо безаффиксным способом по определенным моделям, существующим в данном языке [8].

На наш взгляд, данный лингвистический фактор является самым продуктивным среди молодежи и студентов, в частности.

2. Стилистические приемы – субъективный лингвистический фактор текстообразования, отражающий особый способ текстовой организации, выбранный автором для наиболее адекватного отражения своего видения мира и описываемой ситуации. Стилистические приемы, усиливающие прагматический эффект текста, соотносятся с тропами и фигурами и отражают специфическую организацию языковых средств в целях особой выразительности.

К основным тропам относят: 1) метонимию; 2) метафору; 3) иронию; 4) гиперболу и др. [9]. Стилистические приемы являются мощным источником в образовании студенческого жаргона, чаще всего студенты используют метафору при образовании своего пласта лексики.

3. Переосмысление семантики слов.

Бесспорно, язык постоянно меняется и развивается, слова меняют свое значение с течением времени либо исчезают из употребления. Однако студенты намерено придают обычным литературным словам иной смысл, таким образом, создавая свой пласт жаргонной лексики.

К экстралингвистическим факторам формирования и пополнения студенческого жаргона можно отнести следующие:

1. Заимствования. В современном мире, несомненно, студенты используют заимствования, создавая свой особый язык – студенческий жаргон.

2. Новые понятия и явления. Как известно, появление новой лексики связано с появлением новых предметов, явлений. XXI век считается веком компьютерных технологий, в связи с этим языки пополняются новой лексикой. Бесспорно, студентов окружает электронная техника, как во время учебы, так и вне ее. И соответственно, новые понятия, связанные с ней, стали частью студенческого жаргона.

3. Возрастная дифференциация носителей языка – процесс, посредством которого индивиды распределяются по различным статусным позициям и играют роли на основании социальных установок в отношении их возраста. Результатом этого процесса являются различные возрастные группы [10]. Возраст, безусловно, важная категория, определяющая, каким лексиконом будет пользоваться та или иная группа людей. На протяжении жизни человек говорит на «разных языках»: язык школы, язык студенческой поры. В течение жизни человек пользуется языком, подходящим ему по местонахождению и социальному статусу.

Способы образования и пополнения жаргонной лексики

В образовании новых жаргонизмов как в общем молодежном языке, так и в языках субкультур, неких молодежных группировок, студентов, участвуют экспрессивные словообразовательные элементы, среди которых чаще всего встречаются суффиксы: *-ух-, -як-, -он-, -лово-, -ул-* (*веселуха, стипуха; крутяк, тюфяк, хляк; видон, лифон; мочилово, рубилово, кидалово; лапуля, красотуля*). Этот способ – один из самых распространенных при образовании новых жаргонизмов.

Слова без вышеуказанных формантов (*весело, круто, красота*) могут использоваться человеком, относящимся к любой социальной, возрастной группе, то есть они являются общеупотребительными. Именно специфические суффиксы позволяют создать единицы молодежного сленга.

Тенденция к образованию сокращенных и сложносокращенных слов: *препод*, *матан* (математический анализ), *античка* (античная литература), *заруба* (зарубежная литература).

Шутливые трансформации слов с ассоциативным уподоблением их другим лексическим единицам: *филолох* (контаминация: филолог и лох), *студень* – студенческий, *кулёк* – колледж, университет, академия культуры.

Оппозиция литературный язык/жаргон чаще всего связана с психологией и субкультурой молодежных коллективов.

Хотя социальные диалекты никогда не являются единственным средством общения, а выступают как дополнение к общему литературному языку, жаргон способен самостоятельно реализовывать не только свою основную эмоционально-экспрессивную функцию, но и главные общеязыковые функции: коммуникативную, социальную, прагматическую, информационную и другие [11].

В конце XX – начале XXI века наметились новые тенденции в изучении неформальной молодежной речи: молодежный жаргон исследуется как компонент городского просторечия; анализируется как языковое образование, обладающее самостоятельной лексико-семантической системой; рассматривается с позиции культуры речи. В этот период активно издаются словари жаргона.

Существует большое количество источников пополнения молодежного жаргона. Современное поколение использует жаргонизмы для обозначения новых реалий, предметов, явлений. Студенты используют жаргонизмы, чтобы дать понять окружающим, к какой профессии они принадлежат.

Наиболее развитые семантические поля – «Человек», «Внешность», «Одежда», «Досуг». Молодежный сленг – это живой, подвижный язык, который идет в ногу со временем и реагирует на различные перемены в жизни страны и общества:

1. Развитие компьютерных технологий.

Многие слова и выражения приходят в студенческий жаргон из компьютерного жаргона. Интернет, его широкие возможности, быстро развивающиеся компьютерные технологии привлекают молодых людей.

В современном обществе существует много образовательных заведений, в которых обучают профессиям, связанным с компьютерными технологиями. В связи с этим появляется много новых жаргонизмов, как среди молодежи, так и среди студентов в данной области. Вот некоторые из них:

Вирусня – компьютерный вирус, глюк системы, глючит – неполадки в работе компьютера, мыло – e-mail, оперативка – операционная система, мыха – компьютерная мышка, юзер – пользователь компьютером, геймер – игрок [12].

2. Современная музыкальная культура.

Одно из увлечений молодежи – музыка. Она является частью жизни молодых людей, а современная музыка – смесь различных культур, музыкальных направлений.

Молодежные жаргонизмы, относящиеся к сфере музыки, содержат названия различных музыкальных стилей (*попса, попсятина – поп-музыка, Дарк – тяжелая музыка, Дрим, хаус, драм, драмчик (Dram'n Base), транс*) и композиций (*свежак – свежая, новая музыка, релиз – вышедшая в продажу композиция, трэк – музыкальная композиция, плейлист – список музыкальных композиций*), названия действий музыкантов (*сбацать – сыграть*).

Среди молодежи сейчас более популярна зарубежная музыка, а русские исполнители и композиции порой воспринимаются негативно.

Часто молодые люди придумывают прозвища музыкальным группам и исполнителям: *Патриция Квас, Мармеладзе*. Несомненно и то, что существует свой пласт жаргонной лексики среди студентов в данной сфере занятости.

3. Английский язык.

Английский язык в молодежных кругах считается самым «модным» и самым перспективным для изучения, поэтому многие молодежные жаргонизмы – это слова, которые заимствованы из английского языка.

Интересно следующее: эти жаргонизмы понимают даже те люди, которые никогда в жизни не учили английский язык: настолько жаргонные слова влились в современную речь. Англицизмы отражают новые реалии из сферы науки, техники, экономики, молодежной субкультуры.

Фифти-фифти (fifty-fifty) – 50 на 50, респект – уважение, лузер – неудачник, дринк – напиток, пипл – люди, крэйзи (crazy) – сумасшедший; бест, бестовый – лучший; лав сторы (love story) – любовная история.

Написание этих жаргонных слов свободное, можно пользоваться как латиницей, так и кириллицей. Например:

Ноу проблемз (No problems) – Без проблем

Плиз (please), о'кей (OK), сорри (sorry), фейл (fail)

Также к русским основам могут присоединяться английские аффиксы: *блинбл* (словообразовательный суффикс английского языка -able). С помощью того же суффикса образуются новые жаргонные единицы, только вместо русского слова выступает английское слово, хотя в английском языке этот суффикс не может быть присоединен к данному слову. Например, *грейтбл, супербл* [13].

Функции и роль молодежного жаргона в английском языке

Можно назвать несколько функций молодежного жаргона. Во-первых, это сигнификативно–маркирующая функция, в основе которой лежит внутригрупповой конформизм, сплоченность группы.

Это функция узнавания своих, когда с помощью жаргонного слова обозначается принадлежность к данной референтной группе.

Маскирующая функция студенческого жаргона связана с проблемами ассимиляции бывших школьников в студенческой среде: «Ты и я говорим на одном языке, значит, мы принадлежим к одной группе людей», – видимо, таким мнением руководствуются студенты младших курсов, включая в свою речь жаргонные слова в два раза чаще, чем студенты старших курсов. Данная функция вытесняет в речи молодежи традиционную конспиративную функцию.

Другая функция молодежного жаргона основана на отделении, обособлении одной группы от другой. В основе ее лежит внегрупповой конформизм, противопоставленность жаргонного слова.

Носитель определенного «субкультурного» жаргона отказывается от слова, тиражированного в иных социальных группах. Так, вошедшее в широкий обиход слово *тусовка* вытесняется в настоящее время однокоренными образованиями: *тусняк*, *тусыч* или заменяется синонимами, например, «замес» – с новым значением.

Аналогичная замена происходит всякий раз, когда жаргонное слово «дискредитирует» себя как разграничитель. По этой же причине раздражает молодых людей взрослый, использующий в своей речи «их» жаргонную лексику. Тогда говорят: «*косит, шьется под своего*».

Как уже отмечалось, жаргон – показатель принадлежности к определенной субкультуре. Существует несколько жаргонов внутри собственно молодежного жаргона. По жаргону отличают «своих» (хиппи, рокеры-мотоциклисты, поклонники определенных музыкальных стилей). Именно в подростковом возрасте и в первые годы студенческой жизни молодой человек особенно остро осознает себя как личность, самоутверждается и в противопоставлении себя старшим ищет опору в среде сверстников.

Сами студенты в качестве причины, по которой они употребляют жаргонные выражения, называют стремление «сочинить» язык для маленькой группы. Иногда в студенческом обществе специально обсуждается возможность замены литературных выражений другими, придуманными в данной группе.

В основе большинства оборотов студенческого жаргона лежит приведенное кем-то удачное, остроумное сравнение. Например, о худенькой девушке говорят: «*карандаш в стакане*» (тонкие ноги в сапогах напоминают карандаш в стакане).

Среди других причин употребления жаргонных слов были отмечены: особая «романтика» жаргонного слова, возможность проявить свои творческие способности, специфика жаргонного выражения. Оно необычно своим

звучанием, порой бывает хлестким и метким. Самый краткий студенческий ответ: «Говорим так, чтобы было круче».

Тот факт, что имеется большое количество синонимов для номинации одного понятия, подтверждает наличие элемента игры. Выживает самое остроумное высказывание. Этим же, кстати, объясняется недолговечность, быстрая сменяемость большинства выражений. О. Есперсен в своей работе «Человечество, нация и личность с лингвистической точки зрения» называл жаргон коллективной игрой [14].

Очень важной представляется функция сокращения высказывания, так как закон экономии языковых средств – один из наиболее активно действующих в настоящее время. Одно-два слова подчас могут заменить целое словосочетание, сохранив при этом оттенки и обертоны фразы (*курсач* – «*курсовая работа*»).

«Продинамить» – подвести, не выполнить то, что обещал.

«Динамо» называют человека, на которого нельзя положиться, рассчитывать в трудной ситуации; «дернуться» – «побеспокоиться, принять меры по поводу чего-либо, а также нервничать, заводиться; «верняк» – то, что случится обязательно, наверняка; «пролететь», «обломиться» – потерпеть неудачу, не получить того, что хотел.

Наконец, жаргонная речь очень часто имеет эмоционально-экспрессивную окраску. Исследователи отмечают, что большинство слов и выражений любого жаргона содержат ярко выраженную экспрессию.

Как справедливо отмечал академик Д.С. Лихачёв: «...блатная «музыка» действительно музыка, в том смысле, что она больше действует на эмоции, чем на интеллект» [15]. В основном эмоционально-экспрессивная окраска бывает четырех типов: ироническая, шутливо-фамильярная, неодобрительная, угрожающая.

Экспрессивная окраска присутствует в следующих словах: *«носорог» – 1) малообразованный, туповатый, но достигший материального благополучия (обычно молодой) человек; 2) нувориш; «чума», «чумовой» – эмоциональная оценка, как с положительной, так и с отрицательной коннотацией; 3)*

«пробитый» – непредсказуемый, неадекватно реагирующий («Пришел из армии пробитый»); 4) «париться» – прилагать усилия (часто без толку), создавать излишние трудности в отношениях с другими, попусту волноваться; 5) «засада» – неудача («Весь день – засада»).

Жаргон выполняет и аксиологическую функцию, являясь показателем ценностной ориентации определенной группы.

Например, «попсовый» в общеупотребительном молодежном жаргоне означает «модный», «престижный», т.е. содержит положительную оценку, тогда как для молодого человека, ориентированного на альтернативные общепринятые формы культуры, нет более уничижительного слова, чем «попса».

Важнейшей причиной использования ненормированных выражений студенты назвали желание выразить таким образом собственное отношение к жизни. Важную роль в студенческих выражениях играет интонация, придающая выражению особую экспрессию: «Ну ты и Клава!», т.е. глупо поступила. «И тут такой конь» – поворот событий. Это обстоятельство также отличает жаргон от литературного языка [16].

Основу молодежного жаргона составляют слова литературного языка, но с иной семантикой. Освоение слова может осуществляться путем расширения значения. Так, слово «крутой» выражает универсальную положительную оценку и заменяет целый ряд лексем литературного языка: «сильный», «заметный», «интересный», «экстравагантный», «модный», «умный», хотя одновременно также и «резкий», «суровый», «упрямый», «своевольный».

Здесь можно наблюдать пересечение с некоторыми значениями данного слова в тюремно-лагерном жаргоне: дерзкий, наглый (кроме специфических: авторитетный заключенный-рецидивист, вооруженный грабитель). «Простой» в разных случаях может означать и «обычный, глупый, наглый и бесцеремонный, чужой, скучный, хороший». Значение таких слов с открытой внутренней формой проясняется в контексте.

Довольно часто в молодежном словоупотреблении можно наблюдать семантический сдвиг: «грузить», жаргонное слово, приобрело значение

«много говорить»; «душить» – говорить; «закосить» – пропустить; «шиться», «косить» – подражать; «левый» – незнакомый, чужой; «вкручивать» – объяснять; «оторваться» – отдыхать; «тащиться» – восторгаться; «упаковаться» – модно одеться; «партизан» – молчаливый; «цемент» – рисовая каша; «песня» – речь, которой не доверяют; «песни петь» – врать; «партийная» (физиономия) – сосредоточенная; «пионер» – примерный, паинька; «лечить» – говорить не по существу; «тянуть» – оскорблять; «дернуть» (на кого-либо) – проявить агрессию в отношении кого-либо; «забить» – назначить, занять, договориться (но в выражении «забить на это дело» – значение другое: плюнуть на учебу).

Молодежный жаргон имеет свои фразеологизмы: *«Мозги компостировать»* – заговаривать, говорить не по существу;

«Не в кайф» – лень что-то делать; *«Выкатывать шары»* – удивляться; *«Все о'кей»* – все отлично [16].

Фразеологизмы значительно увеличивают выразительность любого языка. Видимо, этим обстоятельством объясняется тот факт, что в нашем исследовании образные, устойчивые выражения встречаются в половине случаев употребления жаргонных слов, т.е. удельный вес фразеологизмов в лексическом составе жаргонной речи намного выше, чем в литературном языке.

Еще одно свойство устойчивых оборотов, названное в лингвистической литературе «повышенной познавательной ценностью» фразеологизма, является очень важным: при малом объеме эти обороты насыщены рациональным и эмоциональным содержанием. Закон экономии языковых средств, как мы видим, проявляется и в этой функции жаргона. Например, выражение *«поздненько метаться»* означает, что время принятия решения прошло, упущено.

В устойчивых выражениях особенно проявляется юмор, они демонстрируют желание высказаться нешаблонно, сделать свои слова запоминающимися. Так, жаргонные *«пролететь»* или *«обломиться»* заменяются такой фразой: *«Летишь как фанера над Парижем»*.

Одно и то же значение выражается с помощью многочисленных фразеологизмов: «*Поздняк метаться*», «*Поздно пить боржоми, когда почки отказали*» [16].

Общеизвестным фактом является то, что каждый язык мира имеет свой собственный сленг, причем сленг может иметь несколько видов и применяться в той или иной области. Особое внимание стоит уделить именно молодежному сленгу, поскольку именно его употребляет в разговорной речи современное поколение.

Для начала стоит отметить, что сленг – это набор слов, которые характеризуются особой сферой применения, либо это слова, которые заменяют уже существующие, но они также применяются исключительно определенной группой людей и в определенных сферах. Молодежный сленг наиболее распространен, его знают не только молодые люди, которые собственно и употребляют его в речи, но и более старшее поколение, это говорит о том, что данный вид сленга достаточно распространен и широко употребляется именно в разговорной речи. Английский сленг своеобразен и неповторим.

Он появился и появляется в недрах самого английского языка, в разных социальных сферах и возрастных группах как стремление к краткости, выразительности, иногда как протест против приевшегося или длинного слова, как желание по-своему назвать предмет или его свойства.

В молодежных же кругах, где сленготворчество особенно распространено, кроме всего прочего явно выражено стремление обособиться от мира взрослых, так сказать, зашифровать свой язык.

Особенно пышно расцветает сленготворчество в периоды крупных социальных изменений, войн, экономических и культурных сдвигов, когда ощущается настоятельная необходимость именовать то новое, с чем приходится сталкиваться каждый день.

Хотя далеко не все в сленге приемлемо, он заметно украшает английскую речь своей живостью, гибкостью и неожиданным остроумием. За многие века своего существования некоторые сленговые слова, вышедшие из

«низов», проникли и закрепились в литературном английском языке. Кто сейчас усомнится в респектабельности слова *lunch*? А это слово начинало свою жизнь в недрах сленга, так же как *bus*, *fun* и многие другие [17].

По подсчетам С.В. Флекснера, одного из авторов «Словаря английского сленга», из 600 тысяч слов английского языка приблизительно 45 тысяч – это сленг. А в лексическом запасе среднестатистического носителя языка, составляющего от 10 до 20 тысяч слов, 2 тысячи приходится на так называемые модные слова [18].

То, что до недавних пор именовалось словом «сленг», социальным диалектом или профессиональным жаргоном, считалось ниже стандартов речи образованных людей и не рекомендовалось для употребления, сейчас звучит из уст профессоров, бизнесменов, политических деятелей, со страниц прессы и экранов телевизоров.

No-brainer – из молодежного жаргона давно уже перешло в обиходную речь и является эквивалентом нашего молодежного «это ежу ясно».

Тут и там слышны: *he's areal pro (professional)* – «он настоящий профессионал», *Info* вместо *information*, *demo* вместо *demonstration*.

Полнозначные слова, например, *happy*, вдруг превращаются в модные суффиксы, со значением «энтузиаст, любитель» – *buck-happy*, *car-happy*, *rock-happy* и так далее.

Газеты и журналы для того, чтобы не отпугнуть читателей, вынуждены публиковать специальные колонки, разъясняющие популярные слова, аббревиатуры и жаргонизмы, встречающиеся в печатных изданиях.

Казалось бы, зачем? Для всех этих слов есть синонимы, которыми прекрасно раньше обходились. Для создания эффекта новизны, необычности, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию живости, точности, краткости, образности [17].

Следует уделить особое внимание английскому молодежному сленгу, который уже давно вышел за пределы стран, в которых разговаривают на английском и, если так можно сказать, покорила весь мир.

Молодежный сленг в английском языке играет достаточно важную роль, которая определяет развитие языка в целом, его своеобразие и отличие от других языков мира.

Заключение

Таким образом, молодежный сленг позволяет общаться совершенно на новом уровне, не используя классических конструкций предложений и грамматических основ. А это говорит о том, что молодежь может общаться более раскованно и понимать друг друга с полуслова. Надо также отметить, что сленг постоянно совершенствуется и развивается, появляются новые выражения, которые быстро становятся популярными и активно используются в речи.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Толковый словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. Значение слова жаргон. URL: <http://www.vedu.ru/expdic/8102/>
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/part-009.htm#i2433>.
4. Даль В.И. Толковый словарь. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=7903>.
5. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. <http://www.vehi.net/brokgauz>.
6. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2007.
7. Жаргон современного студента. URL: <http://www.cs-alternativa.ru/text/1568/2>.
8. Определение словообразования. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1472/словообразование>.
9. Определение стилистических приемов. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/4075/стилистические_приемы.
10. Определение семантики. URL: <https://obrazovanie.guru/nauka/cto-takoe-semantika-znacheniya-termina-i-primery.html> obrazovanie.guru.

11. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка. URL: <http://www.twirpx.com/file/1467587>.
12. Лексика современного русского языка. URL: <http://www.znaniium.com>.
13. Молодежный жаргон. Способы образования молодежного жаргона. Причины его распространения. Центр правовой информации. URL: <http://reshebniki-online.ru/node/286380>.
14. *Espersen O.* Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View. Oslo: H. ASCHEHOUG & CO. (W. NYGAARD), 1925.
15. *Лухачев Д.С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление-Le langage et la mentalité. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935. № III-IV. С. 47-100.
16. Факторы, влияющие на развитие языка. URL: <http://www.hintfox.com/article/faktori-vlijajuschie-na-razvitie-slenga.html>.
17. Особенности молодежного сленга в английском языке. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2015/04/04/osobennosti-molodezhnogo-slenga-v-angliyskom-yazyke>.
18. *Flexner S.B.* Dictionary of American Slang. N.Y., 1967.

References

1. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* (1990). / gl. red. V.N. Yarceva. [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya [In Russian].
2. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka Efremovoj T.F. Znachenie slova zhargon* [Explanatory Dictionary of Modern Russian by Yefremova T.F.]. Retrieved from <http://www.vedu.ru/expdic/8102/> [In Russian].
3. Golub I.B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Retrieved from <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/part-009.htm#i2433> [In Russian].
4. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar'* [Explanatory Dictionary]. Retrieved from <http://slovardalja.net/word.php?wordid=7903> [In Russian].
5. Brokgauz F.A. *Enciklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary] F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. Retrieved from <http://www.vehi.net/brokgauz/> [In Russian].
6. Nikitina T.G. (2007) *Molodyozhnyj sleng: tolkovyy slovar': ok. 20 000 slov i frazeologizmov* [The Youth Slang: Explanatory Dictionary: about 20 000 words and phraseologisms]. Moscow: AST: Astrel' [In Russian].

7. *Zhargon sovremennogo studenta* [Jargon of a modern student]. Retrieved from <http://www.cs-alternativa.ru/text/1568/2> [In Russian].

8. *Opredelenie slovoobrazovaniya* [Definition of word building]. Retrieved from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1472/slovoobrazovanie> [In Russian].

9. *Opredelenie stilisticheskikh priemov* [Definition of Stylistic Devices]. https://lingvistics_dictionary.academic.ru/4075/stilisticheskie_priemy [In Russian].

10. *Opredelenie semantiki* [Definition of Semantics]. Retrieved from <https://obrazovanie.guru/nauka/chto-takoe-semantika-znacheniya-termina-i-primery.html> obrazovanie.guru [In Russian].

11. Hrolenko A.T., Bondaletov. *Teoriya yazyka* [Theory of Language]. Retrieved from <http://www.twirpx.com/file/1467587/> [In Russian].

12. *Leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Vocabulary of Modern Russian]: Retrieved from www.znaniy.com [In Russian].

13. *Molodezhnyj zhargon. Sposoby obrazovaniya molodezhnogo zhargona. Prichiny ego rasprostraneniya* [Youth Jargon. Ways of Youth Jargon Formation. Reasons of its Distribution] Center of Legal Information. Retrieved from <http://reshebniki-online.ru/node/286380> [In Russian].

14. Espersen O. (1964) *Chelovechestvo, naciya i lichnost' s lingvisticheskoy tochki zreniya* [Humanity, Nation and Personality from Linguistic Point of View] Blumington.

15. Lihachev D.S. (1935): «*Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoy rechi*», *Yazyk i myshlenie* [Characteristic Features of Primeval Primitivism]. Le langage et la mentalité, № III-IV, str. 47-100, Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences. N.Ya. Marr Institute of Language and Thought [In Russian].

16. *Faktory, vliyayushchie na razvitie yazyka*. [Factors Influencing the Development of Language] <http://www.hintfox.com/article/faktori-vlijajushchie-na-razvitie-slenga.html> [In Russian].

17. *Osobennosti molodezhnogo slenga v angliyskom yazyke*. [Peculiarities of youth slang in the English Language] <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2015/04/04/osobennosti-molodezhnogo-slenga-v-angliyskom-yazyke> [In Russian].

18. Flexner, S.B. Dictionary of American Slang. N.Y., 1967.

© Зарайский А.А.

УДК 81'373.237

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10002

ББК 81.052 + 81.053

ФЕМИНИТИВЫ VS ГЕНДЕРНО НЕЙТРАЛЬНЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОФЕССИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

С.П. Хижняк, доктор филологических наук, заведующий кафедрой английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, khizhnyaksp@inbox.ru.

Аннотация. В статье на материале русского и английского языков рассматривается актуальная проблема современной социолингвистики – использование феминитивов (слов женского рода, альтернативных или парных аналогичным понятиям мужского рода, относящимся ко всем людям независимо от их пола) и гендерно нейтральных слов, обозначающих профессии. Выявлены лингвистические и экстралингвистические факторы формирования феминитивов и гендерно нейтральной лексики. Исследование показало, что при сходстве языковых факторов (возможностях двух языковых систем в образовании номинаций лиц по профессии), их использование в речи различно, что обусловлено воздействием экстралингвистических факторов (тяготением англоговорящих языковых сообществ к политической корректности, а также языковой политикой государств и отсутствием общественной идеологии и языковой политики в сфере политической корректности в России). Представлен вывод о том, что, несмотря на общие истоки социолингвистических процессов, вызванных зарождением и развитием феминизма, результаты в сфере использования феминитивов и гендерно нейтральной лексики, обозначающей профессии, различен в двух языках.

Ключевые слова: феминитивы, гендерно нейтральная лексика, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы.

FEMINITIVES VS GENDER-NEUTRAL WORDS WITH THE MEANING OF PROFESSIONS IN RUSSIAN AND ENGLISH

Sergey P. Khizhnyak, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7157-9206>, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, khizhnyaksp@inbox.ru.

Abstract. The author considers a topical problem of modern linguistics – the use of femininitives (feminine words, alternative, or pairing similar masculine words, which are relevant to all people regardless of their gender) and gender-neutral words denoting occupations with the example of the Russian and English languages. Linguistic and extra-linguistic factors in coining femininitives and gender-neutral words were revealed. The study showed that the similarity of language factors (the possibilities of the two language systems in the formation of designations of persons by profession), their use in speech is different due to the influence of extra-linguistic factors (gravitation of the English-speaking linguistic communities toward political correctness, as well as the language policy of states and the lack of public ideology and language policy in the field of political correctness in Russia). The conclusion is drawn that despite common origins of sociolinguistic processes caused by the emergence and development of feminism, the results in the use of femininitives and gender-neutral vocabulary, denoting professions, are different in the two languages.

Keywords: femininitives, gender-neutral vocabulary, linguistic factors, extra-linguistic factors.

Введение

Лингвистической особенностью феминитивов является то, что «это слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода, относящимся ко всем людям независимо от их пола» [11]. Проблема формирования феминитивов в разных языках является актуальной в связи с характером антропоцентрической парадигмы современной лингвистики, в рамках которой значительное внимание уделяется гендерным факторам развития современных языков [8, 10, 15], их андроцентризма, обуславливающего преобладание мужского над женским в языке [12: 3-25]. Такое доминирование понимается как «объективно сложившаяся в постпатриархальных культурах вековая языковая традиция, согласно которой язык предпочитает мужские формы» [17: 17]. Еще одним направлением исследования феминитивов является рассмотрение их структурных особенностей [1].

Проблема формирования и функционирования феминитивов тесно связана с явлением лингвистической политкорректности в отношении использования гендерно маркированных слов (особенно наименований профессий),

проблемами словообразования и межкультурных различий в использовании гендерно нейтральных и гендерно маркированных слов.

Лингвистические факторы формирования феминитивов в русском и английском языках

Формирование феминитивов в разных языках обусловлено как сходными, так и различными факторами. Феминитивы, обозначающие профессии, за редким исключением (посудомойка) являются парными номинациям мужского рода.

Формирование парных феминитивов в языках обеспечивается различными языковыми средствами: 1) наличием словообразовательных типов с модификационным деривационным значением женскости в сфере образования имен существительных, т.е. номинаций со значением лица женского пола, мотивированных существительными мужского рода со значением лица (*учитель – учительница, steward – stewardess*); 2) формированием сложных слов (*медсестра, медбрат, chairman, chairwoman*); 3) использованием словосочетаний (*женщина-врач, woman worker*).

В английском языке имеется незначительное количество суффиксов с модификационным значением женскости (-ESS – *waitress*, -ETTE – *usherette*, -IX – *administratrix*, -INE – *chorine*), из которых только первый можно отнести к продуктивным. По сравнению с английским языком русский обладает большими суффиксальными словообразовательными средствами для обозначения модификационного деривационного значения женскости, чем английский; -К(а) – *скрипачка*, -ИЦ(а) – *буфетчица*, -НИЦ(а) – *учительница* - ИХ(а) – *портниха*, -Ш(а) – *музыкантша*, -ИН(я) – *филологиня*, -ЕСС(а) – *агентесса*, -ИС(а) – *актриса* [9].

В русском языке модификационное значение «лицо мужского пола» не выделяется в связи с тем, что маскулинизмы обладают генерализирующей функцией, и, если нет необходимости подчеркнуть половую принадлежность лица, «для обозначения лица женского пола используются соответствующие существительные мужского рода, лишённые сами по себе указания на

половую принадлежность» [9]. То же можно сказать и об английском языке, в котором суффиксы со значением лица также обладают генерализирующей функцией (ср.: *He is a teacher – She is a teacher*). Тем не менее, можно сказать, что иногда сема маскулинности актуализируется медсестра – *медбрат, (female) nurse – male nurse* – поскольку изначально эта профессия была женской.

При таком сходстве формирования феминитивов в двух языках их использование и появление неофеминитивов обусловлено различием экстралингвистических факторов, которые будут рассмотрены далее.

Экстралингвистические факторы формирования феминитивов и гендерно нейтральной лексики со значением профессий

Как правило, рассмотрение экстралингвистических факторов, влияющих на формирование феминитивов в разных языках связывают с возникновением феминистического движения [8]. Феминизм как общественно-политическое течение прошел длительный путь развития. В этом процессе выделяют три волны:

- «1) середина XIX столетия – первая половина XX столетия;
- 2) середина XX столетия – восьмидесятые годы XX столетия;
- 3) девяностые годы XX столетия – до наших дней» [7: 4-5].

Первая волна феминизма обусловила борьбу за экономическое и юридическое равноправие женщин с мужчинами. «Вторая волна» феминизма связана со стремлением женщин «к обретению независимости и самореализации». «Постмодернистский феминизм предпринял попытку отразить «инаковость» не в качестве проблемы, но в качестве онтологического описания феминного, которое имеет право на жизнь, дающую свободу с требованием ответственности; в фундаменте постмодернизма коренится актуализация существования Другого, призыв к равноправию, ориентированный на утверждение различий, а не отнюдь их игнорирование» [7: 5, 6, 10]. Выделяют либеральный и радикальный феминизм. «Исходной посылкой построения теории радикального феминизма выступает тезис о том, что общество консти-

туирует мужское (маскулинное) как позитивную культурную норму, а женское (феминное) – как отклонение от нормы» [3: 55]. Соответственно, ориентация феминизма на утверждение гендерных различий является его радикальной манифестацией.

«“Феминистки различий” ... придерживаются “про-женской” позиции, настаивая на том, что половые различия являются политически и социально значимыми. Эта позиция основывается на убеждении, что женщины и мужчины совершенно разные на психобиологическом уровне. Они полагают, что агрессивная и соревновательная природа мужчин и созидательная и сопереживающая натура женщин отражают в большей степени гормональные и другие генетические различия, а не просто структуру общества» [6: 65].

Активизация в образовании феминитивов во многом связана с расширением профессиональных сфер или деятельности женщин. Е. А. Челак отмечает: «К середине XVIII века в России отмечается бурный рост профессиональной сферы, где женщина могла бы найти себе применение, вследствие чего образуются большое количество таких феминитивов, как: *портретистка, переводчица, гардеробщица, наборщица, акушерка* и т.д.» [15: 198].

Ориентация современного феминизма на «утверждение гендерных различий» особенно сильна в современной России, но скорее не в силу радикализма политических взглядов, а как дополнительное средство утверждения равноправия полов в профессиональной сфере. Об этом свидетельствуют высказывания в социальной сети «ВКонтакте», посвященные теме феминитивов. Среди обоснований их использования выдвигают следующие¹:

1) *«феминитивы нужны, чтобы*

✦ *обозначить видимость женщин в различных профессиях, особенно в тех, которые считались мужскими. (юристка, режиссерка);*

✦ *разрушить стереотипы. Язык отражает наши жизненный опыт и стереотипы. (стереотип о том, что только мужчины обладают определенной профессией);*

¹ Орфография и пунктуация источников сохранена.

✦ не возникало противоречий между тем, что мы слышим и видим/действительностью. К примеру, врач в отпуске по беременности. (Врач – слово мужского рода, а беременность связана с женским организмом)» [14];

2) «Все чаще стала замечать, как разные люди и редакции используют феминитивы. И поймала себя на мысли, что мне это нравится... Сейчас, начитавшись кучи всего, сформировав свое собственное мнение, я считаю что ФЕМИНИТИВЫ НУЖНЫ. Таким образом вы подчеркиваете важность женщины, не делаете тупого уточнения типа ‘женщина-врач’, или ‘женщина-ученый’. Слова ‘врачиха’, ‘докторша’ и ‘учёная’ не звучат обидно или унизительно, они звучат НОРМАЛЬНО, точно так же, как и в мужском роде» [14];

3) «Ты произносишь слово «врач» и мысленно видишь человека в белом халате. Но почему-то этот человек в белом халате представляется преимущественно мужского пола. Наверное, потому что слово «врач» не такое нейтральное, как нам хочется думать.

Или вот говорим мы «премьер» – ну кто из нас представляет женщину-премьера? Некоторые даже сомневаются, что женщина в принципе может занимать такую должность. А скажем «премьерка» – да, большая часть читающих и слышащих это слово начинает биться в припадке лингвистического паралича, но их мысленному взору является специалистка женского пола!

В этом и смысл! Используя феминитивы для профессий, мы показываем, что «место женщины» везде. Женщины могут занимать любые должности и входить в любые профессии» [14];

4) «Феминитивы – супер.

Я сама к ним привыкла не сразу, но как только начала везде стараться использовать, я почувствовала, как серьезно они влияют на мое сознание. Ведь действительно, используя мужской род на всех словах мы сначала думаем, что это нормально и что это “нейтрально”, но это совершенно не

так. Нет никакой нейтральности, если слова, обозначающие женщин и мужчин.

Даже углубляясь в историю, первые Феминитивы были со словами “няня”, “швея”, “кухарка”, таких слов в мужском роде нет. Почему? Потому что эти должности занимали женщины, когда прав не было и приходилось быть обслуживающим персоналом. А если я назову мужчину кухаркой или швеей наверняка он ответит что-то типа “я ж не женщина...”, не будет никаких песен про “нейтральный род и прочее”» [14].

В странах Западной Европы и США традиции либерального феминизма первой волны были впоследствии подкреплены возникновением явления политкорректности, которое тесно связано с лингвистическими процессами эвфимизации лексики, создающей положительную или нейтральную коннотацию. Вместе с тем, отмечают, что политкорректность – «это скорее стратегия, в то время как эвфемизмы лишь тактические уловки, с помощью которых либо соблюдается, либо нарушается баланс взаимодействия между отдельными лицами, группами, сообществами» [16: 452].

Возникшее в Европе и США стремление к формированию политкорректного языка как результата смены общественного сознания, морали и идеологии, в том числе и в гендерных отношениях, политкорректность стала частью языковой политики государств, о чем свидетельствует то, что этой проблемой занимается законодательный и представительный орган Европейского Союза – Европарламент.

В 2008 г. Европарламент принял так называемые «Руководящие принципы гендерно нейтрального языка» (Gender-neutral language in the European Parliament), в которых говорится: «Gender-neutral language is a generic term covering the use of non-sexist language, inclusive language or gender-fair language. The purpose of gender-neutral language is to avoid word choices which may be interpreted as biased, discriminatory or demeaning by implying that one sex or social gender is the norm. Using gender-fair and inclusive language also helps reduce gender stereotyping, promotes social change and contributes to achieving gender equality» [18: 3].

«Руководящие принципы гендерно нейтрального языка» содержат рекомендации по использованию гендерно нейтральной лексики вместо гендерно маркированной, например:

Administrator (for both genders),

Assistant (for both genders),

Doctor (for both genders-avoid lady/woman doctor),

Author (not authoress),

Manager (not manageress),

Mayor (not mayoress),

Midwife (for both genders; there is no accepted alternative for male midwives),

Nurse (for both genders; avoid male nurse),

Police officer (not policeman/policewoman unless the officer's gender is relevant).

Что касается сложных слов с опорными компонентами *man* и *woman*, руководство предлагает различные варианты: «Business person/executive (plural: business people) (not businessman; businesswoman only if the person's gender is being stressed; alternatively and in plural contexts, use business circles or business milieux)» [18: 12].

Маркированность по роду в соответствии с этим руководством является исключением:

1) «Fisherman/fishermen ('fisher' and 'fisherfolk' are not widely accepted)»;

2) «Priest (only use 'woman priest' if relevant; 'priestess' only in a historical context, e.g. ancient Rome) »;

3) «Waiter/waitress (no gender-neutral term has been successfully proposed) » [18: 12-13].

Политкорректность не стала частью языковой политики современной России. О. Ф. Иванова, утверждая, что еще с советских времен в русском языке стали появляться политкорректные номинации, в том числе в сфере обозначения представителей профессий (*доярка* – *оператор машинного дое-*

ния), в то же время отмечает: «В России в отличие от США и других западных государств, исторически сложилось несколько иное языковое поведение, быть может, порой более агрессивное и резкое... Кроме того, в русскоязычном обществе каждый волен сам выбирать модель речевого поведения. Во всяком случае, несоблюдение критериев политической корректности не повлечет за собой ощутимых последствий для речедеятеля, подорвав его репутацию или разрушив карьеру, как это могло бы произойти в США» [5: 67].

Известно, что языковая норма и реальное употребление языка не всегда совпадают. Основой формирования нормы и ее изменения является узус, который в случаях их конфликта всегда оказывается сильнее, поэтому существующая в современном русском языке тенденция замены гендерно нейтральных слов на феминитивы при оправдании речевого волюнтаризма членов русскоязычного общества вполне может привести к смене нормы при отсутствии внятной языковой политики государства в гендерной сфере.

В интернете создана и работает русскоязычная программа «Феминизатор слов – генератор феминитивов» [13], которая предлагает варианты сгенерированных феминитивов с использованием всех суффиксов женскости, существующих в языковой системе. Например:

шахтер ♀ка | *шахтер* ♀иха | *шахтер* ♀иня | *шахтер* ♀киня |
шахтер ♀есса | *шахтер* ♀ица
плотник ♀иня | *плотник* ♀есса | *плотн* ♀ица
грузчик ♀иня | *грузчик* ♀есса | *грузч* ♀ица

Исследование, проведенное Н.С. Самойленко, А.А. Стеклёновой на материале общественно-политических изданий, показало, что «большинство изданий стремится к обозначению женщин в своих публикациях, используя феминитивы» [10]. Активизации использования феминитивов способствует коммуникация в интернет-пространстве, в котором к тому же набирает силу феминистское движение [15].

Характерно, что возможность и даже необходимость использования феминитивов вместо гендерно нейтральных слов находит оправдание у лингвистов. Так, Е.Н. Василенко утверждает: «...феминитивы являются

своего рода лингвистическим средством борьбы за гендерное равенство, а феминизация языка представляет собой не только (и, вероятно, не столько) лингвистическое, но и культурное, общественно-экономическое явление. Нововведения вообще, и в языке в частности, всегда воспринимаются обществом с настороженностью, однако необходимо понимать, что использование феминитивов – это значительный шаг к достижению гендерного равенства» [2: 252].

Заключение

Сопоставительный анализ формирования и использования феминитивов и гендерно нейтральных слов со значением профессий в русском и английском языках показал как определенные сходства, так и значительные различия. Сходство обусловлено лингвистическими факторами – возможностями двух языковых систем в образовании феминитивов и гендерно нейтральных слов различными способами (суффиксальным, словосложением и использованием словосочетаний).

Тем не менее, языковой фактор не является ведущим в речевой практике представителей русскоязычного и англоязычных обществ. Несмотря на то, что проблема использования исследуемых единиц языка обусловлена общим экстралингвистическим фактором – возникновением и развитием такого движения, как феминизм, конечный результат оказался неодинаковым.

Английский язык тяготеет к политкорректности и использованию гендерно нейтральных слов, что обусловлено сложившейся в англоязычных обществах общественной идеологией равенства на основе нивелирования в языковом выражении гендерной маркированности понятий. Сложившаяся идеология и моральные нормы привели к тому, что они стали основами формирования языковой политики государств.

В современном российском обществе и русском языке заметно влияние радикальной разновидности феминизма. И, хотя это только тенденция, не воспринимаемая всеми, ее поддержка СМИ и интернет-

коммуникацией может изменить узуальное употребление феминитивов, а за ним и языковую норму.

Список литературы

1. *Боженкова Н. А., Черкашин А. Н.* Проблема образования феминитивов в русском и английском языках // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: мат-лы Междунар. науч.-практич. Конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения». Ярославль: Ремдер, 2017. С. 163-167.

2. *Василенко Е. Н.* Феминитивы в современном русскоязычном и белорусскоязычном интернет-дискурсе // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2017: сб. науч. статей под ред. И.И. Иванова. Могилев, 2018. С. 247-252.

3. *Геворкова К. В.* Феминизм как экстремизм // Философия права. 2008. № 2 (27). С. 55-58.

4. *Журавлева И. В., Журавлева П. А.* Опыт анализа феминитивов в современном русском языке (структурно-словообразовательный аспект) // Филологическое образование в 21 веке: проблемы и способы их решения. Сб. науч. статей IX Международной научно-практической конференции. 2017. Новокузнецк: Изд-во Новокузнецкого института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», 2017. С. 119-123.

5. *Иванова О. Ф.* Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. № 3. 62-71.

6. *Королева Т. А.* Феминизм как политическая идеология // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 4. № 22. С. 60-66.

7. *Осмонова Д. А.* Анализ феминистической концепции как условие возникновения изучения гендерных отношений // Colloquium-journal. 2018. № 7-5 (18). С. 62-65.

8. *Полонова А. В., Дружинина Н. С.* Гендерные изменения в языке как результат ценностных трансформаций в обществе // Молодежный вестник ИРГТУ. 2015. № 4. С. 1-5.

9. Русская грамматика: Гл. ред. Шведова Н.Ю. Т. 1. URL: <http://rusgram.narod.ru/380-432.html>.

10. *Самойленко Н. С., Стеклова А. А.* Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2(33). С. С. 126-132.
11. Словарь гендерных терминов URL: <http://a-z-gender.net/feminitivy.html>.
12. *Тараненко О. О.* Принцип андроцентризму в системі мовних координат і сучасний гендерний рух // Мовознавство. 2005. № 1. С. 3-25.
13. Феминизатор слов – генератор феминитивов. URL: <http://feminism-russia.ru/feminizator>.
14. Ф – феминитивы [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/f_fem.
15. *Челак Е. А.* Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 12 (78). Ч. 2. С. 197-200. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.78.12.079>.
16. *Чунахова Л. В.* Способы языковой репрезентации категории политкорректности в английском языке // Трансформация медиасреды в XXI веке: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Отв. редактор Д. В. Неренц. М.: Изд-во: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 450-458.
17. *Arkhanhelska T.* Симметрия и асимметрия грамматической категории рода и семантической категории пола в славянских языках. Disertační práce. Olomouc, 2014.
18. Gender-neutral language in the European Parliament. European Parliament, 2018.

References

1. Bozhenkova, N. A., Cherkashin, A. N. (2017). Problema obrazovaniya feminitivov v russkom i angliyskom yazykakh [The problem of formation of feminitives in Russian and English]. In: *Aktual'nyye voprosy izucheniya mirovoy kul'tury v kontekste dialoga tsivilizatsiy: Rossiya – Zapad – Vostok: mat-ly Mezhdunar. nauch.-praktich. Konf. «Slavyanskaya kul'tura: istoriki, traditsii, vzaimodeystviye. XVIII Kirillo-Mefodiyevskiye chteniya» [Topical questions of world culture in the context of the dialogue of civilizations: Russia – West – East: Materials of International scientific and practical conference. “Slavic culture: origins, traditions, interaction. XVIII Cyril and Methodius readings”]*. Yaroslavl': Remder, 163-167 [in Russian].
2. Vasilenko, E. N. (2018). Feminitivy v sovremennom russkoyazychnom i belorusskoyazychnom internet-diskurse [Feminitives in modern Russian and Belarusian languages' Internet discourse]. In: *Vostochnoslavyanskiye yazyki i literatury v evropeyskom kontekste – 2017: sb. nauch. statey pod red. I.I. Ivanova [East Slavic languages and literature in the European context – 2017: scientific bulletin of articles (I. I. Ivanov, ed.)*. Mogilev, 247-252 [in Russian].

3. Gevorkova, K. V. (2008). Feminizm kak ekstremizm [Feminism as extremism]. *Filosofiya prava [Philosophy of law]*, 2 (27), 55-58 [in Russian].

4. Zhuravleva, I. V., Zhuravleva, P. A. (2017). Opyt analiza feminitivov v sovremennom russkom yazyke (strukturno-slovoobrazovatel'nyy aspekt) [Experience in the analysis of diminutives in the modern Russian language (structural-derivational aspect)]. In: *Filologicheskoye obrazova-niye v 21 veke: problemy i sposoby ikh resheniya. Sb. nauch. statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2017 [Philological education in the 21st century: problems and ways of their solution. Bulletin of scientific articles of IX of International scientific and practical conference. 2017]*. Novokuznetsk: Izd-vo Novokuznetskogo instituta (filiala) Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhde-niya vysshego obrazovaniya «Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet», 119-123 [in Russian].

5. Ivanova, O. F. (2002). Politkorrektnost' v Rossii [Political correctness in Russia]. *Vestnik Evrazii [Bulletin of Eurasia]*, 3, 62-71 [in Russian].

6. Koroleva, T. A. (2006). Feminizm kak politicheskaya ideologiya [Feminism as a political ideology]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Proceedings of the Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen.]*. Vol. 4, 22, 60-66 [in Russian].

7. Osmonova, D. A. (2018). Analiz feministicheskoy kontseptsii kak usloviye vzniknoveniya izuche-niya gendernykh otnosheniy [Analysis of the feminist concept as a condition for the emergence of the study of gender relations]. *Colloquium-journal*, 7-5 (18), 62-65 [in Russian].

8. Polonova, A. V., Druzhinina, N. S. (2015). Gendernyye izmeneniya v yazyke kak rezul'tat tsennost-nykh transformatsiy v obshchestve [Gender changes in language as a result of value transformations in society]. *Molodezhnyy vestnik IRGTU [youth Bulletin of ISTU]*, 4, 1-5 [in Russian].

9. *Russkaya grammatika Russkaya grammatika: Gl. red. Shvedova N.Yu. T. 1. [Russian grammar Shvedova N.Yu. (ed.-in-chief)]*. Available at: <http://rusgram.narod.ru/380-432.html> [in Russian].

10. Samoylenko, N. S., Stekleneva, A. A. (2019). Feminitivy kak instrument gendernoy differentsiatsii v SMI [Feminitives as a tool of gender differentiation in the media]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki [Topical problems of modern Philology and journalism]*, 2 (33), 126-132 [in Russian].

11. *Slovar' gendernykh terminov [Dictionary of gender terms]*. Available at: <http://a-z-gender.net/feminitivy.html> [in Russian].

12. Taranenko, O. O. (2005). Printsip androtsentrizmu v sistemi movnikh koordinat i suchasniy gen-derniy rukh [The principle of androcentrism in the system of speech coordinates and modern gender movement]. *Movoznavstvo [Linguistics]*, 1, 3-25 [in Ukrainian].

13. *Feminizator slov – generator feminitivov [Feminisator of words – generator femininitives]*. Available at: <http://feminism-russia.ru/feminizator> [in Russian].

14. *F – feminitivy [F – frmonotives]*. Retrieved from https://vk.com/f_fem [in Russian].

15. Chelak, E. A. (2018). Feminitivy v diskurse Internet-kommunikatsii [Femininitives in the discourse of online communication]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International research journal]*. 12 (78), 2, 197-200. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.78.12.079> [in Russian].

16. Chunakhova, L. V. (2019). Sposoby yazykovoy reprezentatsii kategorii politkorrektnosti v angliyskom yazyke [Methods of linguistic representation of the category of political correctness in the English language]. In: *Transformatsiya mediasredy v XXI veke: materialy mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Otv. redaktor D. V. Nerents [Transformation of the media environment in the XXI century: Materials of International scientific and practical conf. D. B. Tseren (ed.)]*. Moscow: Izd-vo: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 450-458 [in Russian].

17. Arkhanhelska, T. (2014). Simmetriya i asimmetriya grammaticheskoy kategorii roda i semanticheskoy kategorii pola v slavyanskikh yazykakh [*Symmetry and asymmetry of grammatical category of gender and semantic category of gender in Slavic languages*]. *Disertační práce*. Olomouc [in Russian].

18. *Gender-neutral language in the European Parliament* (2018). European Parliament.

© Хижняк С.П.

УДК 81'33

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10003

ББК 81.1

**CODES OF CULTURE IN ENGLISH, RUSSIAN
AND MONGOLIAN LANGUAGES
(ON THE MATERIAL OF IDIOMS WITH THE
“FIRE”-COMPONENT)**

Batsuren Renchin, PhD, associate professor, ORCID: 0000-0003-4819-1822, Department of British-American Studies, School of Sciences, National University of Mongolia, batsuren@mail.ru

Abstract: The subject for consideration in the article is idioms containing the concept of “fire” in English, Russian and Mongolian language views of the world. The purpose of this article is to examine the similarities and differences in the system of images included in phraseological units with component the “fire” in English, Russian and Mongolian. The primary method for achieving this goal is the analysis of the correlation of concepts that are expressed in culture-specific idioms with cultural codes, based on which the coding of cultural components in the systems of idioms of the studied languages is carried out. The analysis was carried out on the basis of the linguocultural approach to the study of phraseological units formulated by V.N. Teliya. As a result of comparison of phraseological units across languages, the correlation of idioms with cultural codes in the relevant linguistic views of the world (including concepts from professional – religious, military, etc. domains) is established and the community and differences of cultural perceptions in the language view of the world are revealed.

Keywords: language and culture, idioms, language view of the world, cultural codes, fire.

**КОДЫ КУЛЬТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ
И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ «ОГОНЬ»)**

Батсурен Ранчин, кандидат филологических наук, доцент кафедры британско-американских исследований, Школа наук, Монгольский государственный университет, batsuren@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются соматические фразеологические единицы с компонентом *огонь* в английской, русской и монгольской языковых картинах мира. Целью данной статьи является рассмотрение черт сходства и различия в системе образов, включенных во фразеологические единицы с компонентом *огонь* в английском, русском и монгольском языках. Основной задачей для достижения поставленной цели является анализ характера соотнесенности вербализованных в идиомах фрагментов действительности с культурными кодами, на основании которых осуществляется кодирование культурологических составляющих в фразеологических фондах изучаемых языков. Анализ проводился на основе лингвокультурологического подхода к изучению фразеологического материала, сформулированного В.Н. Телия. В результате межъязыкового сопоставления фразеологических единиц установлена соотнесенность идиом с культурными кодами в рассматриваемых языковых картинах мира, выявлены сходство и отличия разнокультурных мировосприятий в языковой картине мира, включающей в себя профессиональные фрагменты (религия, военное дело и др.).

Ключевые слова: язык и культура, культурные коды, фразеологизмы, языковая картина мира, огонь.

Introduction

Language is the primary means of transmitting culture to subsequent generations. It is a means of formation, expression and transmission of a particular view of the world, unique to every culture. Modern linguistic research is marked by a new level of understanding of the problems of linguistics. Today, the attention of linguistic science is focused on the linguistic picture of the world as the form of the language [3: 36].

Cultural codes come from the most ancient archetypal representations. At the same time, it should be noted that they capture the way of seeing the world, which determines and shapes the character. In our opinion V.V. Krasnikh introduced quite an accurate definition, according to which the culture code is a grid, which “culture throws on the world around, divides it, categorizes, structures and evaluates it” [4: 232].

As V.N. Telia notes, cultural codes are those realities that are already endowed with a cultural meaning and which are the initial material for the cultural interpretation of the image of phraseology. Cultural codes can be grouped into several different categories, including those pertaining to actions, the natural

world, things that are manmade, and the spiritual world. Signs of realities correlated with culture codes, identified in the images of idioms, are their functions, size, boundaries, shape, color, etc. Cultural codes usually perform the role of symbols, standards, and stereotypes in the “language” of culture and act as signs of the “language” of culture [1].

The phraseological view of the world is a part of the general linguistic view of the world. The idioms of any language are an invaluable repository of information about the culture and history of the people, where people’s views about the objective world are preserved.

The analysis of cultural codes was conducted using the linguocultural approach to the study of the idiomatic sources proposed by V.N. Telia in the book “Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects” [9]. Under this approach the correlation of idioms with cultural codes in a language’s view of the world are considered.

A practical application of this theoretical analysis was found in the fundamental work “A Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Culturological commentary” [1], where the cultural commentary is represented by three “zones”: an etymological reference, a regional geographic reference and a culturological commentary itself. This feature makes the dictionary unique at the moment.

As for the concepts of the “language” of culture, expressed by idioms, they express characteristic traits of the worldview more transparently [8: 9].

Statement of the problem

In this article, we will consider similarities and differences in the images included in idioms that contain the concept of “*fire*” in English, «*огонь*» Russian and «*гал*» in Mongolian. The word “*fire*” is included in a series of idioms in each language.

Methods

To achieve this goal, we will analyze interrelationships among the concepts that are expressed in idioms and cultural codes. Thus, on the basis of our analysis

the coding of the studied languages is carried out. The analysis has been conducted on the basis of linguistic and cultural approach to the study of the phraseological material formulated by V.N. Telia [8, 9].

Discussion

Our analysis allows us to represent a correlation of idioms with cultural codes in the language worldviews mentioned above. The distribution of idioms in accordance with one or another cultural code appears as follows:

Cultural codes similar in English, Mongolian and Russian languages:

1. Natural+active:

Eng: *breathe fire; be playing with fire; be/come under fire; build a fire under (someone or something); catch fire; come under fire; draw (someone's) fire; go through fire; light (one's) fire;*

Rus: вызывать огонь на себя (*to cause fire on oneself*); открыть огонь (*to open fire*); работать с огоньком (*to work with fire*); рвать с огнем (*to tear with fire – work very fast*); гореть в огне (*to burn in the fire*); играть / шутить с огнем (*play with fire*); как на огне горит (*as it burns on fire*); дать огня (*give fire*); предать огню (*surrender to fire*);

Mon: гал авах (*take a fire- 'get the smell by the blowing wind'*); гал алдах (*loss of fire- 'get without the firewood'*); гал долоох (*lick the fire- 'to fight for the first time'*); галд орохоос буцахгүй (*ready to get into fire- 'to become determined, persistent, firm to do smt'*);

2. Natural + artefact:

Eng: *a ball of fire; fire hose; fire on all cylinders;*

Rus: *огнем и мечом* (with fire and sword);

Mon: *галын хайч* (fire scissors- 'be a servant'); *галын шилээвэр* (fireglass – 'be a servant').

Cultural codes similar in two languages:

1. Natural:

Eng: *a fire under (someone or something); fire away; fire back; fire off; fire on; fire into; fire over; fire under; fire up;*

Rus: *на огонек (on fire);*

2. natural + religious:

Eng: *a baptism of fire; fire from the Gods;*

Rus: *крестить огнем (baptize with fire); крещение огнем (baptism of fire-battle test); в геенну огненную (into hell fire);*

3. Natural + numerical:

Eng: *between two fires;*

Rus: *между двух огней (between two fires);*

4. Natural + anthropic:

Eng: *fire (one) with (an emotion); fire insults at (one); fire with anger; not set the world on fire; ordeal by fire;*

Rus: *антонов огонь (Antonov fire (gangrene)); прометеев огонь / огонь Прометея (fire Prometheus-the desire to achieve lofty goals); греческий огонь (Greek fire-incendiary mixture);*

5. Natural + natural:

Eng: *fire and brimstone; iron in the fire; no smoke without fire;*

Rus: *нет дыма без огня (no smoke without fire); огненная вода (fire water-vodka);*

6. Natural + qualitative:

Eng: *hot as fire;*

Rus: *беглый огонь (quick fire); прицельный огонь (aimed fire);*

7. Natural + natural + active:

Eng: *add fuel to the fire; fat hit the fire; fight fire with fire; go through fire and water; heap coals of fire on (one's) head; pour fuel on the fire; pour gas/gasoline on the fire; pull (one's) chestnuts out of the fire; set the woods on fire;*

Rus: *попасть из огня да в полымя (to get out of fire into the flame); восстать из пепла и огня (rise from ashes and fire); вертеться как береста на огне (spin like birch bark on fire); идти / кидаться в огонь и в воду (go / throw in fire and water);*

8. Natural + active + gastronomic:

Rus: *подливать масла в огонь (pour oil on the flame);*

Mon: *галд тос нэмэх (pour oil on the flame);*

9. Natural + natural + artefact:

Eng: *fire (one's) pistol in the air;*

Rus: *предать огню и мечу (surrender to fire and sword);*

10. Natural + artefact + qualitative:

Eng: *great balls of fire; out of the frying pan (and) into the fire;*

Rus: *огонь, мерцающий в сосуде (fire flickering in a vessel);*

11. Natural + natural + numerical:

Eng: *have a lot of irons in the fire; have several irons in the fire;*

Mon: *гал ус хоер шилз (like both fire and water- 'opposite, not compatible, not suitable);*

12. Natural + active + floral:

Eng: *set the heather on fire;*

Rus: *тащить каштаны из огня (carry chestnuts from the fire);*

Cultural codes existing only in one of three languages:

In English:

1. Natural + special: *fire blanks*;
2. Natural + zoomorphic: *fire bug*;
3. Natural + somatic: *fire from the hip*; *fire in (one's)/the belly*;
4. Natural + gastronomic: *pull (someone's) bacon out of the fire*;
5. Natural + artefact + active: *drink from a fire hose*; *fire a shot across the bow*;
6. Natural + artefact + numerical: *fire on all four cylinders*;
7. Natural + active + architectural: *get on like a house on fire*;
8. Natural + active + somatic: *hold (one's) feet to the fire*;
9. Natural + active + numerical: *last burst of fire*;
10. Natural + natural + active + somatic: *heap coals of fire on someone's head*;
11. Natural + active + anthropic + qualitative: *keep the home fires burning*;
12. Natural + active + numeric + somatic + natural: *carry fire in one hand and water in the other*.

In Russian

1. Natural + temporal: *вечный огонь* (eternal fire);
2. Natural + active + religious: *да проглотит геенна огненная* (may hell fire swallow smb.);
3. Natural + active + anthropic: *сгореть в огне страсти* (burn in the fire of passion);
4. Natural + active + temporal: *днем с огнем не найдешь* (you will not find smt in the afternoon with fire);
5. Natural + active + color: *гори синим огнем* (*burn with blue fire, or disappear*);
6. Natural + active + natural + active: *в огне не горит, в воде не тонет* (does not burn in fire, does not sink in water);
7. Natural + natural + natural + artifact + active: *пройти огонь, воду и медные трубы* (pass fire, water and copper pipes).

In Mongolian:

1. Natural + anthropic + color: *галын хүүг улайж байхад* (while the fire boy was getting Red – ‘in the very beginning of the world’);

2. Natural + natural + qualitative + anthropic: *гал усны гашуун зовлон* (the bitter grief of the fire- ‘bitter and hard trials’).

Results of the analysis of cultural codes and correlation of cultural codes can be represented as follows:

English cultural codes:	Russian cultural codes:	Mongolian cultural codes:
natural	natural	natural
active	active	active
active	active	active
numerical	numerical	numerical
anthropic	anthropic	anthropic
qualitative	qualitative	qualitative
gastronomic	gastronomic	gastronomic
floral	floral	–
somatic	–	–
special	–	–
zoomorphic	–	–
architectural	–	–
color	color	–
–	temporal	–

Conclusion

On the grounds of our analysis of the correlation of the somatic idioms with the component *fire* and the codes of culture, we can make the following conclusions:

Universal codes of the culture for the appropriate three language worldviews include **2** common sets out of the **35** sets of cultural codes: *natural + active and natural + artefact* codes. For the Russian and English languages, **11** sets of cultural codes are common: *natural, natural + religious, natural + anthropic, natu-*

ral + numerical, natural + natural, natural + qualitative, natural + natural + active, natural + active + gastronomic, natural + natural + artefact, natural + artefact + qualitative, natural + active + floral codes. For the Mongolian and English languages, the first set of cultural codes is quite common: *natural + natural + numerical* code. The presence of common sets of cultural codes indicates universal fragments of the worldviews of the three nations.

Along with these similarities, there are also some differences in the world outlook presented in each language. In the Mongolian language, *floral, zoomorphic, special, architectural, temporal and somatic codes* are absent; in English – *temporal and color* codes are absent; and in Russian – *somatic, special, zoomorphic and architectural codes* are missing. Some of the codes of culture are present only in one of the compared languages: in English language, the following **12** sets of codes are unique: *natural + special, natural + zoomorphic, natural + somatic, natural + gastronomic, natural + artifact + active, natural + artifact + numerical, natural + active + architectural, natural + active + somatic, natural + active + numerical, natural + natural + active + somatic, natural + active + anthropic + qualitative, natural + active + numeric + somatic + natural* codes. We can see *natural + anthropic + color* and *natural + natural + qualitative + anthropic* codes only in Mongolian language. **7** sets of codes such as *natural + temporal, natural + active + religious, natural + active + anthropic, natural + active + temporal, natural + active + color, natural + active + natural + active* and *natural + natural + natural + artifact + active* codes are noticed only in the Russian language.

Thus, we can say that specific differences allow us to judge the peculiarities of worldview, determined by cultural, historical, religious and mythological, geographical and climatic factors. Sociolinguistic theory proceeds from the thesis that language, therefore, and its idioms, are the keepers of the cultural code of the speakers of the language. The identification of this code is only possible through a specific linguistic and cultural analysis of the phraseological view of the world, which reveals the connection between language and worldview and demonstrates all kinds of correspondences of idiomatic and conceptual units.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. редактор В.Н.Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
2. *Аким Г.* Фразеология монгольского языка.- 2-е изд. Улан-Батор: Интерпресс, 1999.
3. *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л.П.Крысин. М., 2000. Вып. 1. С. 36.
4. *Красных В.В.* Этнопсихология и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 232 с.
5. *Кунин, А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц / 6-е изд., исправлено. М.: Живой язык, 2005.
6. *Батсурэн Р.* Concise English-Russian-Mongolian dictionary of idioms. Улан-Батор: Эдмон, 2004.
7. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
8. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русский культуры, 1999.
9. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996.
10. *Федоров, А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. М.: Живой язык, 2005.
11. *Ammer Ch.* The American Heritage dictionary of Idioms / Houghton Mifflin Company, 1997.
12. *Spears R.A.* NTC's. The American Idioms Dictionary. 3rd edition. NTC Publishing Group, 2000.

© **Batsuren Renchin**

References

1. Teliya, V.N. (2006). *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Big Dictionary of Russian Idioms]. Moscow: AST-Press Kniga [In Russian].
2. Akim, G. (1999). *Frazeologiya mongol'skogo yazyka* [Mongolian Phraseology]. Ulaanbaatar: Interpress [in Russian].
3. Gak, V.G. (2000). Russkaya dinamicheskaya yazykovaya kartina mira [Russian Dynamic World Picture]. In L.P Krysin (Ed.) *Russkiy yazyk segodnya, vypusk 1* [The Russian Language Today], 1, 36. Moscow: Azbukovik [In Russian].
4. Krasnykh, V.V. (2002). *Etnopsikhologiya i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy* [Ethnic Psychology and Linguistic Culturology: Lecture Course]. Moscow: "Gnosis" [In Russian].
5. Kunin, A.V. (2005) *Bol'shoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [The Big English-Russian Dictionary of Idioms]. Moscow: Zhivoy Yazyk [in Russian].
6. Batsuren, R. (2004). *Concise English-Russian-Mongolian dictionary of idioms*. Ulaanbaatar: Edmon.
7. Teliya, V.N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The Connotative Aspect of Nominative Units Semantics]. Moscow: Nauka [In Russian].
8. Teliya, V.N. (1999) *Pervoocherednye zadachi metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v konteskte kul'tury* [High-Priority Tasks and Methodological Problems Related to the Idioms Research in the Cultural Contexts]. In *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in Cultural Contexts]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury [In Russian].
9. Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, Linguistic, and Cultural Aspects]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury [In Russian].
10. Fedorov, A.I. (2005). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language Literary Idioms]. Moscow: Zhivoy Yazyk [In Russian].
11. Ammer, Ch. (1997). *The American Heritage dictionary of Idioms*. Houghton Mifflin Company.
12. Spears, R.A. (2000). *NTC's. The American Idioms Dictionary*. NTC Publishing Group.

УДК 811.11

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10004

ББК 81.2 Англ.

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСАУЗИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

С.Е. Тупикова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, tupikovase@gmail.com

Е.А. Семухина, кандидат филологических наук, доцент, Саратов, Россия, semuh@rambler.ru

Аннотация. Одной из основных функций медиадискурса является персуазивная, актуализирующаяся через многочисленные лингвистические явления фонетического, лексико-семантического, стилистического уровней. Наряду с метафорическими структурами, сравнениями, аффективами и др., значительным персуазивным эффектом обладает заимствованная лексика. Цель статьи: провести анализ применения заимствований в англоязычных медиапубликациях, выявить влияние, оказываемое подобными ЛЕ на коммуникативное поведение читателя. Методологическая основа исследования: в работе использованы общенаучные методы (анализ и синтез), лингвистический описательный метод, контекстуальный анализ. Результаты: произведен анализ употребления заимствований в англоязычном дискурсе, определены основные векторы в формировании персуазивности. Выводы: использование заимствований в англоязычном медиадискурсе является его характерной чертой, служит созданию персуазивного эффекта.

Ключевые слова: медиадискурс, персуазивность, манипулятивный эффект, заимствования.

BORROWINGS AS MEANS OF IMPLEMENTING PERSUASIVITY IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Svetlana Ev. Tupikova, ORCID 0000-0002-1236-9206, Associate Professor, PhD., Saratov State University, Faculty of Foreign Languages and Teaching Methods, Saratov State University N. G. Chernyshevsky, Saratov Russia tupikovase@mail.ru

Elena A. Semukhina, ORCID 0000-0001-8560-0707, Associate Professor, PhD., Saratov, Russia, semuh@rambler.ru

Abstract. The article focuses on one of the main functions of the media discourse – the persuasive one, which is actualized through numerous linguistic phenomena of phonetic, lexico-

semantic and stylistic levels. Borrowed lexics has a significant persuasive potential as well as metaphorical models, comparisons, affectives, etc. The aim of the article is to analyze the use of borrowings in English media publications, to identify the impact of such lexical units on the communicative behavior of a reader. Methodological basis of the research: general scientific methods (analysis and synthesis), linguistic descriptive method, contextual analysis are used. Results: analysis of the use of borrowings in the English language discourse was performed. Also, the main tendencies in the formation of persuasivity were distinguished. Conclusion: The wide usage of borrowings in the English language media discourse is its characteristic feature and serves to create a persuasive effect.

Keywords: media discourse, persuasiveness, manipulative effect, borrowings.

Введение

Современные лингвисты проявляют высокий интерес к исследованию медиадискурса, понимаемого как особый вид интеракции, имеющего языковое выражение и ряд особенностей. Медиадискурс рассматривается с позиций когнитивной лингвистики, психолингвистики, стилистики, семиотики, социологии, культурологии, политологии, теории искусственного интеллекта и других областей знания. Исследователи находятся в постоянном поиске подходов, позволяющих изучать этот перманентно меняющийся предмет. Одним из актуальных, на наш взгляд, подходов является интегративный прагмалингвистический, ориентированный на междисциплинарное изучение дискурсивных характеристик, способствующий рассмотрению факторов, определяющих диалогическое взаимодействие, а также предполагающий анализ прагматического потенциала языковых единиц и специфики их употребления в коммуникативном пространстве. Подчеркнем, что одним из важнейших аспектов исследования медиадискурса представляется изучение его основной функции – воздействующей, или персуазивной. Действительно, медиадискурс предполагает вербальное воздействие на реципиентов, манипуляцию коммуникантами, попытку изменить их коммуникативное поведение.

Персуазивная функция актуализируется через многочисленные лингвистические явления фонетического, лексико-семантического, стилистического, синтаксического и пр. планов. В частности, большим персуазивным эф-

фектом обладают оценочные метафоры, гиперболы и сравнения, эвфемизмы, слова-аффективы, применение номинализации, диалогизации, риторических вопросов. Интересным представляется также исследование заимствований как способа объективации персуазивности.

Обсуждение персуазивной функции медиадискурса

Особенностью современных массмедиа, обеспечивающих процесс взаимодействия социальных субъектов и процесс общественного самопознания, является необходимость «постоянно находиться в настоящем, в точке, где действие происходит в данный конкретный момент времени» [2, с. 23], где действительность конвертируется в социальный факт. Иначе говоря, основным содержанием медиадискурса являются не сами события, социально-значимые факты или политические процессы, а способы их представления коллективному адресату и передача знания о них.

Причем реальные факты могут быть искажены в том числе и в целях придания информации большей правдоподобности. Так, по мнению Т.А. Ван Дейка ассонанс или рифма (фонетический уровень языка), параллелизмы (синтаксический уровень), метафоры и гиперболы часто используются в медиадискурсе для компактного представления информации и ее лучшего запоминания. При этом искомая объективность в новостях может быть подтверждена цифровыми данными, в ряде случаев неверными. Поэтому для адекватного восприятия медиадискурса необходим анализ когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, а также исследование интерпретации текстов читателями газет и телезрителями [1, с. 133].

Исследователи подчеркивают также, что медиадискурс может приобретать различные смысловые и оценочные значения в зависимости от контекста. При этом контекст может быть лингвистическим (лингвистические связи между отдельными фрагментами), общественно-политическим, социальным (социальная сфера, социальная роль коммуникантов), культурно-историческим (специфика исторической эпохи и культурной среды).

В общем, исследователи признают, что медиадискурс непосредственно направлен на общественное сознание и формирование актуального общественного мнения. Как подчеркивает М.Р. Желтухина, медиадискурсу, как никакому другому свойственна «тропологическая суггестивность» или, шире, персуазивность, «воздейственность», которая представляется результатом несоответствия пресуппозитивной и ассертивной части высказывания, намеренного комбинирования различных лингвистических явлений [4, с. 559]. При этом подразумевается, что адресат не распознает персуазивную направленность высказывания, попытку манипуляции его мнением и поведением или навязывание оценки. Как подчеркивает О.С. Иссерс, персуазивность реализуется не в аргументативной форме, а имплицитным путем через внедрение в сознание коммуниканта установок, отношений, оценок в соответствии с искусственно моделируемой картиной реальности [5, с.191].

Языковые средства актуализации персуазивности в медиадискурсе

Исследователи определяют целый ряд способов объективации персуазивности в различных видах высказываний, в том числе и относящихся к медиадискурсу. Типичными приемами признаются все риторические фигуры, тропы, средства образности.

Как справедливо указывает О.Л. Михалева, метафорические модели используются автором медиапубликации для создания выгодной для него картины мира в сознании адресата [9, с. 123].

Антитеза также часто используется для создания персуазивного эффекта в высказывании. Так, в частности, ряд политических терминов основан на идеологическом противопоставлении «свой-чужой», при этом категория «свой» имеет положительную коннотацию, а «чужой» – отрицательную [2].

Наряду с вышеуказанными способами объективации персуазивности в медиапубликациях, номинализация также признается эффективным приемом. При преобразовании глаголов в абстрактные существительные происходит «исчезновение» субъекта речи, высказывание обезличивается. «А по-

сле того как субъект устранен, возможны дальнейшие, уже чисто идеологические манипуляции с поименованными сущностями» [11, с. 48].

К наиболее продуктивным методам создания персуазивного эффекта относят также использование эвфемизмов. Социально-психологическая подоплека эвфемизмов – «боязнь назвать вещи своими именами или же желание скрыть подлинную реальность» [10, с. 431].

В общем, для манипулирования коммуникативным поведением адресата могут быть использованы любые языковые явления. Общая стратегия создания персуазивности заключается в варьировании языковых структур, при котором опускается их принципиальная дифференциация. Такое игнорирование оттенков смыслов происходит в рамках «коммуникативного компромисса», в результате имплицитно создается определенная, выгодная адресанту интерпретация окружающей действительности.

Таким образом, значимым резервом речевого воздействия могут обладать не только вышеуказанные и хорошо исследованные в отношении создания персуазивного эффекта средства образности, но и другие, как, например, заимствования, являющиеся фактором манипуляции вследствие того, что одно и то же явление может быть выражено синонимами, имеющими положительную или отрицательную коннотацию и оттенки значения.

Роль заимствованной лексики в англоязычном медиадискурсе

В общем, выбор адресантом ЛЕ представляется субъективно-оценочным актом, поскольку лексическое значение включает в себя аксиологический, эмоциональный, экспрессивный, стилистический компоненты, которые выражают отношение автора сообщения к коммуникативной ситуации. Таким образом, выбранное слово содержит информацию не только о предмете сообщения, но и об участниках коммуникации. В. Е. Чернявская указывает, что любой вариативный компонент, однажды возникнув на основе предметно-логического значения, сохраняется и даже может значительно изменить само предметно-логическое значение [12]. Таким образом, выбор слова может стать эффективным инструментом создания положительных или отрицательных оценок, эмоционального тона, способен навязывать

определенное отношение к содержанию сообщения, т. е. направлять и управлять восприятием и пониманием.

Рассмотрим на примерах англоязычных медиапубликаций, как выбор лексической единицы, в частности заимствованной из другого языка влияет на восприятие медиадискурса, создает персуазивный эффект.

Одна из задач автора новостной медиапубликации – убедить читателя в объективности и верности поданной ему информации. В этих целях в текст вводят специальные термины, благодаря которым у читателя возникает ощущение, что автор является экспертом в обсуждаемом вопросе. Например, на сайте *New York Times* находим ЛЕ *mujahidin* (моджахед), заимствование из арабского:

*The article by Thomas W. Lippman ("Iran Opposition Unwelcome," Nov. 2) concerning the State Department report on the People's **Mujahidin** of Iran was refreshing [6].*

Или слово *jihad* (джихад), также заимствованное из арабского, используемое с той же целью:

*The End of **Jihad**. Robin Wright argues that there is "a budding culture of change" in the Middle East – and she sets out to document it in this fluent and intelligent book about the future of the region [6].*

Несмотря на очевидную возможность использовать английские словосочетания, обозначающие «священная война», «воин», автор предпочел обратиться к заимствованию, чтобы имплицитно подчеркнуть глубокое понимание вопроса и, таким образом, вызвать доверие читателя.

При помощи заимствования автор медиапубликации может точно указать эпоху, о которой идет речь в тексте. Например, немецкая ЛЕ *Nazi* отсылает читателя ко времени Второй мировой войны, в период которой появилось данное заимствование:

*How Crowdsourcing Aided a Push to Preserve the Histories of **Nazi** Victims. With people around the globe sheltering at home amid the pandemic, an archive of records documenting **Nazi** atrocities asked for help indexing them [6].*

Займствование из русского языка *pogrom* также добавляет достоверности, когда речь идет о России. Например:

Chechnya's Anti-Gay Pogrom [6].

Отметим, что в английском языке распространено слово *carnage* – *when a lot of people are killed and injured, especially in a war* (<https://www.ldoceonline.com/dictionary>) [8]. Однако, *pogrom* – *a planned killing of large numbers of people, usually done for reasons of race or religion* – транслитерация русского слова «погром» с тем же значением используется с целью создания «достоверного» негативного образа.

Или еще:

At the historic Congress of Jewish Organizations held in Moscow in December, the most talked-about worry was the real possibility of pogroms in the near future [6].

Интересным представляется использование в медиапубликациях французского заимствования *fiance*, означающего «брачный партнер». Данный термин позволяет не уточнять, состоят ли обсуждаемые лица в официальном браке, и является проявлением толерантности в медиадискурсе. Например:

She was a yoga instructor and a life coach. I saw pictures of her with her fiancée, friends, and family members here in Minneapolis and in Australia smiling and enjoying life as they knew it [6].

В некоторых случаях ЛЕ может сохранять свою изначальную франкоязычную форму с диакритическим знаком «акут»:

How about asking the fiancé himself about it and taking... [7].

Особенно актуальной такая осторожность в выборе лексики представляется там, где речь идет об однополых парах:

He continued addressing the crowd by saying he feared for the life of his fiancée, a black man, every time he left their home [7].

Таким образом, автор публикации подчеркивает свою объективность, отсутствие морализаторства, что также имеет запрос в обществе и находит положительный отклик у аудитории.

Некоторые заимствования вошли в разговорную речь носителей английского языка. Это так называемые «модные слова», являющиеся маркерами актуальности текста. Их употребление в медиапубликациях нацелено на создание дружеского, эмоционально-окрашенного тона.

Так, например, франкоязычная ЛЕ *beaucoup* (много) превратилась в разговорной английской речи в *boku*. На страницах *The Washington Post*, посвященных публикациям советов психолога, находим:

*Really good points here, and you raise what I see as an important distinction that the idea of "providing" can sometimes mask: there is a huge difference between expecting someone to bring in **boku** bucks so that you can develop an intimate relationship with The Four Seasons... [7].*

Или еще:

*That is understandable, but whether you make **boku** bucks or not, pinning your pride (and presumably your sense of meaning) on the paycheck will doom you eventually [7].*

Часть заимствований в англоязычном медиадискурсе может служить культурными маркерами, указывающими на соотнесенность публикации с той или иной культурой. Таковыми, например, являются ЛЕ *Samovars* и *Borscht*:

***Samovars and Borscht: A Russian Star Returns.** New York City's stalwart Russian Tea Room, after extensive redesign by new owner, Warner LeRoy, is set to reopen with modern Russian menu by Fabrice Canelle [7].*

Подобные заимствования придают высказыванию «национальный колорит», погружают читателя в атмосферу соответствующей культуры, вызывают в памяти культурные стереотипы. Так, благодаря нескольким словам в сознании читателя возникает яркий образ, помогающий автору в дальнейшем моделировать коммуникативное поведение читателя.

Заключение

Медиадискурсу свойственна высокая степень персуазивности. Последняя находит свою объективацию в разнообразных средствах образности, в том числе и в заимствованиях из других языков. Как показало проведенное

исследование, в англоязычном медиадискурсе функционируют заимствования из разноструктурных языков, они способствуют повышению доверия читателя к публикации, становятся маркерами актуальности текста, имплицитно передают оценочность, эмоциональный тон, являются ключами к актуализации культурных стереотипов.

Список литературы

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
2. Добросклонская Е.Н. Динамика политической пропаганды в постсоветских СМИ // Журналистика в 2004 г. СМИ в многополярном мире. Сб. мат-лов научно-практической конференции. Ч. 1. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005.
3. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20-33.
4. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011.
6. Медиаиздание «New York Times». URL: <https://www.nytimes.com>.
7. Медиаиздание «The Washington Post». URL: <https://www.washingtonpost.com>.
8. Медиасловарь Longman. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary>.
9. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
10. Рюкова А.Р., Филимонова Е.А. Языковые способы реализации персуазивности // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №2, с. 431–435.
11. Солганик Г.Я. Основы лингвистики речи. М.: Издательство Московского университета, 2010.
12. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006.

References

1. Dejk, T.A. van. (1989). Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. Per. s angl [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress [In Russian].

2. Dobrosklonskaya, E.N. (2005). Dinamika politicheskoy propagandy v postsovetskih SMI [Dynamics of political propaganda in post-Soviet media]. *Zhurnalistika v 2004 g. SMI v mnogopolyarnom mire. Sb. mat-lov nauchno-prakticheskoy konferencii. CH. 1 [Journalism in 2004 Media in a multipolar world. Sat. Mat-lov of the scientific and practical conference. Part 1. Moscow: Faculty of journalism of the Lomonosov Moscow state University]*. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 64–66 [In Russian].

3. Dobrosklonskaya, T.G. (2006). Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii. [Media discourse as an object of Linguistics and Intercultural communication]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika [Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism]*, 2, 23 [In Russian].

4. Zheltuhina, M.R. (2003). *Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI: monografiya. [Tropological Suggestion of mass media discourse: on the problem of speech influence in the language of mass media: monograph]*. Moscow: In-t yazykoznaniiya RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK [In Russian].

5. Issers, O.S. (2011). *Rechevoe vozdejstvie. [Speech influence]* Moscow: Flinta: Nauka [In Russian].

6. Mediaizdanie «New York Times» [Media publication “New York Times Retrieved from <https://www.nytimes.com>].

7. Mediaizdanie «The Washington Post» [Media publication “The Washington Post”] [Elektronnyj resurs]. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com>.

8. Mikhaleva, O.L. (2004). Politicheskij diskurs kak sfera realizacii manipulyativnogo vozdejstviya: diss. ... kand. filol. nauk. [Political discourse as a sphere of implementation of manipulative effect: diss.Cand. of Sciences (Philology)]. Irkutsk [In Russian].

9. Ryukova, A.R., Filimonova, E.A. (2016). Yazykovye sposoby realizacii persuazivnosti [Linguistic ways of persuasivity implementation]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]*, 21, 2, 431–435 [In Russian].

10. Solganik G.YA. (2010). *Osnovy lingvistiki rechi. [Basics of speech linguistics]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [In Russian].

11. Chernyavskaya, V.E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya. [Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence]. Moscow: Flinta: Nauka [In Russian].

© Тупикова С.Е., Семухина Е.А.

УДК 811.111-26

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10005

ББК 80

THE PECULIARITIES OF LEGAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGES

Svetlana Yu. Maksimova, ORCID: 0000-0003-4277-8446, Candidate of Philology, Associate professor of the English Language Department, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, svetlana_maksimova2010@mail.ru

Ksenia V. Matsyupa, ORCID: 0000-0002-6388-5120, Candidate of Philology, Associate professor of the English Language Department, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, kseniashido@mail.ru

Abstract: The article touches upon the issue of peculiarities of legal language, in general and legal translation, in particular. The interaction of linguistics and jurisprudence is necessary for solving a great variety of problems, which require both linguistic and legal knowledge, because language is the primary tool for formulating legal categories. In the context of the current increase in legal awareness and the extremely wide discussion of legal issues, the research of developing and improving both language and foreign-language skills is of particular importance. Lawyers have a practical need to improve the skills of legal communication (both written and oral). Competent legal translation requires excellent knowledge in the spheres of law, current legislation, features of legally binding arrangement and correct use of legal terminology etc. The purpose: to review the essential features of legal language, to examine the peculiarities of foreign-language professional communication in the spheres of law and to give brief analysis of issues related to legal translation. The methodological basis: theoretical research of legal language features, linguistic observation and linguistic analysis of professional communication in the sphere of law, linguistic analysis of legal translation. Results: on the basis of theoretical studies, linguistic and interpretive analysis of certain features of legal language were discussed, the peculiarities of legal communication in foreign languages were analyzed, and brief analysis of issues related to legal translation was given.

Keywords: legal language, legal translation, legal documents, cross-cultural professional communication, legal terminology, legal realities, international co-operation of lawyers, domestic and foreign relations, legal assessment.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

С.Ю. Максимова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, svetlana_maksimova2010@mail.ru

К.В. Мацюпа, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, kseniashido@mail.ru

Аннотация: В статье затрагивается вопрос об особенностях юридического языка в целом и юридического перевода в частности. Взаимодействие лингвистики и юриспруденции необходимо для решения самых разнообразных проблем, требующих как лингвистических, так и юридических знаний, поскольку язык является основным инструментом формулирования правовых категорий. В условиях нынешнего роста правосознания и чрезвычайно широкого обсуждения правовых вопросов особое значение приобретает исследование развития и совершенствования как языковых, так и иноязычных навыков. Юристы испытывают практическую потребность в совершенствовании навыков юридического общения (как письменного, так и устного). Современный юридический перевод требует отличных знаний в области права, действующего законодательства, особенностей юридически обязательного оформления и правильного использования юридической терминологии и т.д. Цель: рассмотреть сущностные особенности юридического языка, рассмотреть особенности иноязычного профессионального общения в сфере права и дать краткий анализ вопросов, связанных с юридическим переводом. Методологическая основа: теоретическое исследование особенностей юридического языка, лингвистическое наблюдение и лингвистический анализ профессиональной коммуникации в сфере права, лингвистический анализ юридического перевода. Результаты: на основе теоретических исследований был проведен лингвистический и интерпретационный анализ отдельных особенностей юридического языка, проанализированы особенности юридической коммуникации на иностранных языках, дан краткий анализ вопросов, связанных с юридическим переводом.

Ключевые слова: юридический язык, юридический перевод, юридические документы, межкультурная профессиональная коммуникация, юридическая терминология, правовые реалии, международное сотрудничество юристов, внутренние и внешние отношения, правовая оценка.

The legal aspect of language is significant for linguistics, because it is the law that regulates the use of language, the relationship between languages, estab-

lishes the status of language. Expressing the will of the legislature, the language brings this will to the public; it is directly in contact with the law. Legal regulation of society includes the use of language to mediate political, social, economic and other relations in law. It is language as a means of legal writing and law application that ensures the functioning of the state and its institutions. Thus, the synthesis of linguistics and jurisprudence is necessary to solve many problems that require both linguistic and legal knowledge, since language is the only means for development of legal concepts.

The specific functioning of language in the sphere of law is manifested in the sphere of legal activity (e.g. expert review of bills), interpretation of laws, in the regulation of sociolinguistic domestic and foreign relations. [6: 157-162].

Interpretation and perception of the law is mediated by the text, the quality of presentation of which depends on the understanding of the will of the legislature, and hence the effectiveness of its implementation. Logic, precision, conciseness and strict unambiguity are features of the language of law.

Lawyers should strictly follow the generally accepted rules of drafting legal documents and observe the linguistic and stylistic conventions of legal communication, both written and oral.

Governing meaning of law depends largely on the expressiveness of the language in which laws, regulations, decrees, etc. are written. At the same time, lawyers should take into account that all legal documents must be emotionally neutral. Even the most extraordinary events and facts should be described by a lawyer in neutral terms, without any disclosure of the lawyer's legal assessment. [3: 65-80].

Unfortunately, some lawyers do not pay enough attention to issues related to the improvement of the presentation of regulations and unjustifiably neglect the language of legal documents, which often leads to the misuse of words, semantic and syntactic redundancy, and even grammatical and punctuation errors. For example, "active repentance" is impossible, because repentance is not an action, but a process of awareness of one's guilt, and any actions will be a consequence of repentance, and not part of it. Therefore, it is appropriate to speak of "actions as a result of repentance." [5]

The phrase “regulation of legal relations” is also absurd from a legal point of view, because the relationship is already “settled law, social relation, whose members are carriers of subjective rights and duties.” The use of the term “regulation of public relations” is appropriate here.

Legal documents often contain many sentences consisting hundreds of words, e.g.: “Ensuring public safety – from the point of view of implementation of powers which are in joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects – requires mutually agreed efforts of the Federal center and the regions aimed at protecting the material and intangible socially significant benefits of man and society as a whole, which, in turn, involves the state-power, including forced, elimination of factors that pose a threat to society and the person, life, health or property of citizens.” [7] Or, “A decision taken at the local level may be annulled ...or *invalidated by a court* in the manner prescribed by law”. These examples demonstrate mistaken opinion of lawyers that if an entire idea is expressed in one but complicated sentence it would be easier to understand. Complicated phrases include compound sentences, which often leads to distortion of the meaning of the legal document.

But, it is important not to go to the other extreme and split the text into many short, simple sentences. It is important to remember that the main purpose of a legal document is its clarity, not brevity for the sake of its clarity. As for understanding the content of a document, psycholinguists have shown that the typical reader or listener can hold only a few thoughts in his or her short-term memory.

Since the language of legal documents uses specialized vocabulary, lawyers should remember that the use of any words should be clear, accurate and of course, relevant. As the reader may know, human speech in real life is unique. Statements constitute a person’s verbal speech portrait. [2: 102-107]. And for the sake of giving their statements greater importance, lawyers ‘clog’ their speech with foreign words.

However, the abundance of foreign words in the speech of a jurist is not an indicator of his or her linguistic and cultural competence. On the contrary, it should be kept in mind that language is appropriate in one situation is completely

unsuitable in another. If there are Russian equivalents, the writer should not abuse foreign vocabulary. For example, the following equivalents are possible alternatives: *volunteer* – доброволец; *defect* – недостаток; *dominate* – господствовать; *doctrine* – учение; *limit* – ограничение; *adapt* – приспособить; *force* – ускорить; *transportation* – доставка; etc. [10]

It is also necessary to take into account that the interpretation of a legal document may distort its true meaning, if the document contains ordinary, everyday expressions: cf.: *driving a car drunk* – *driving a vehicle while intoxicated*; *a company of people drank in the park* – *a group of people drank alcohol in a public place*, etc.

Thus, legal scholars should contribute to improving the legal framework of state and public life, ensuring strict compliance with law and order by analyzing and solving issues at the intersection of jurisprudence and linguistics. This will ultimately lead to an improvement in the quality of language in which laws are expressed. [8: 156-163]. The above arguments inevitably lead to the conclusion that close cooperation of lawyers and linguists is extremely important for solving problems of both linguistic and legal nature, since language is the main tool for passing information, legal writing, law application and development of legal concepts.

The development of science, intensive exchange of scientific and technical information, and the cooperation of states in the process of development of mutually beneficial projects is impossible without effective communication of professionals. In other words, intercultural communication has a special place in current conditions of educational and professional globalization. In the context of the development of legal culture and a wide discussion of legal issues, it is extremely relevant to study the problems of improvement of both language and foreign language communicative competence.

According to E. Vyushkina “Law application and expert consulting activity of a lawyer is unthinkable without dialogue and / or negotiations, conflict resolution, discussion and drafting of contracts and business correspondence. Moreover, highly qualified specialists should have the skills of business communication, both in their native and foreign languages”. [9: 54-58].

Indeed, in the context of intensive international cooperation in general, and in the field of law in particular, it is necessary to substantially improve the professional training of law students in English. We fully agree with V. Aitov, who proposed an exhaustive definition of “foreign language professional competence”, as well as clearly formulated its purpose: foreign language professional communicative competence is “the readiness and ability of a specialist who has not studied a foreign language at the language faculty, to apply foreign language scientific and subject knowledge for the implementation of full-fledged foreign language professional cross-cultural communication.” [1: 48].

But, despite the obvious need to acquire and improve intercultural communication skills, both written and oral, most lawyers demonstrate an extremely low level of foreign language competence. This can be explained by the following factors: 1) insufficient number of academic hours of a foreign language in law schools; 2) lack of motivation for most law students to study a foreign language, since a foreign language is not a major subject; 3) the difficulty of drafting unified educational and methodological techniques for teaching foreign languages to law students, which is due to the different level of their language training in secondary schools.

A modern lawyer with a high level of foreign language competence is able to use international legal resources, work with international legislative databases, communicate with foreign colleagues, conduct business correspondence, publish in international legal publications, and competently use a modern computer and communication technologies.

Another, quite strong argument in favor of improving language skills is mandatory publication of academic research in the international citation systems, WEB of SCIENCE (WOS) and SCOPUS, whose indices are recognized worldwide, which, in turn, are indicators of the works’ ‘importance’. The list of requirements for such publication includes the necessary translation of the article and all its output data into English.

In other words, lawyers have a practical need to improve skills of legal translation (both oral and written). And this is not a simple and unambiguous task

as it may seem at first glance. In fairness, it should be noted that legal translation is one of the most complex types of translation. It is in the translation of legal texts that the differences between legal systems are fully revealed, and the larger they are, the greater the incompatibility.

Thus, a competent professional legal translation requires extensive knowledge in law, current legislation, the specific use of legal terminology, etc., because each country has its own system of law, legal terminology and practical applications.

The existence of so-called legal synonyms (legal terms that have similar and at the same time fundamentally different meanings) makes process of translation difficult. For example, the most difficult is the translation of the following terms: *solicitor, barrister, attorney, counsel, lawyer*, since any dictionary offers the same Russian-language meanings: *адвокат, юрист, представитель*. And, if one uses only the meanings offered by the dictionary or simply trusts a translation program, the translation of the sentence: “*Lawyers in Great Britain are strictly divided into solicitors and barristers*”, would be as follows: “*Юристы (адвокаты) в Великобритании делятся строго на юристов (адвокатов) и юристов (адвокатов)*”, which is meaningless in Russian and can be called Abracadabra.

Translation of the term Attorney General also has a number of incorrect variants, such as – *Адвокат Генерал, Генеральный Адвокат*, etc., although, in accordance with the realities *Attorney General* means the principal legal officer who represents the Crown or a state in legal proceedings (in England); the head of the US Department of Justice (in the United States). Another group of legal synonyms, *law, statute, rule, right, regulation, legislation* means ‘law’, but they are all different terms in meaning. The legal term *убийство* also has a great number of synonyms in English: *murder, homicide, manslaughter, assassination, killing*. Therefore, when translating legal synonyms one should take into account the context in which they are used and one should have at hand reliable and comprehensive sources of information, such as – legal dictionaries.

Another example of the difference in legal realities is the term *понятой*, which is translated into English as *witness*. But, since the concept of *понятой* is

absent in the Anglo-American legal system, any English-speaking lawyer will translate *witness* as *свидетель*, which will lead to distortion of the meaning of the phrase “*Обыск проводился в присутствии понятых*”, because for a Russian lawyer the terms *свидетель* and *понятой* have completely different meanings.

And, likewise, there are terms of art that denote the realities of American justice, which do not have equivalents in the Russian legal system: *plea / charge bargaining, plea bargain* – *сделка о признании вины или судебный торг*. To avoid misinterpretation, such a translation will undoubtedly need comment and clarification that judicial bargaining is a pre-trial negotiation between the prosecutor and the lawyers of the accused to plead guilty, in order to obtain a lighter sentence and avoid trial.

An incorrect translation at best can lead to curiosities. An example of this is the story when Foreign Minister of the Russian Federation Sergei Lavrov was presented the box with the button ‘*RESET*’, which was supposed to be a symbol of the reset of Russian-American relations, but the incident was that the American translators gave the Russian translation “*ПЕРЕГРУЗКА (overload)*”, which radically changed the meaning of the event.

In the worst case, inadequate translation can lead to or aggravate conflict (including international). Khrushchev’s emotional statement at the meeting with the American delegation “*Я вам покажу Кузькину мать*” was translated literally “*Kuzma’s mother*”. The translation of this phrase put the Americans in a difficult position: Khrushchev is going to show them the mother of some Kuzma?! And all would be funny if this threat did not become ominous when in 1961 the USSR tested the most powerful hydrogen bomb in the history of mankind. It was then that the Americans decided what kind of “*Kuzma’s mother*” was in question, which increased the hostile mood of both states.

By famous phrase, “*We will bury you*”, Khrushchev did not make a physical threat. Instead, he meant the inevitable victory of socialism over capitalism; but taken out of context, translation of this phrase was taken by the West “*as a nuclear threat*”. [4: 157]. As we can see, even the slightest error in the translation of po-

litical statements or legal texts can lead to unpredictable and even disastrous consequences.

Ambiguity in the field of law is no less dangerous. Most often, ambiguity at the level of vocabulary occurs when common words are given a legal meaning, e.g., *sentence* – *предложение* – (leg.) *приговор, наказание*; *case* – *коробка, чемодан* – (leg.) *дело*; *suit* – *костюм*; (leg.) – *иск, судебная тяжба*; *fine* – *отлично, прекрасно*; (leg.) – *штраф*; *bar* – *бар, прилавок*; – (leg.) *адвокатура, коллегия адвокатов*.

When translating legal texts, one should not be too arrogant, because so-called false friends of the translator, or interlingual homonyms, or deceptive cognates (a pair of words in two languages, similar in spelling and / or pronunciation, but different in meaning) can radically change the meaning of the original and mislead. Let's consider some of them: *camera* – judge's cabinet, not prison cell (*камера*); *to be called to the bar* – to obtain the right to legal practice, not be invited to the bar for drinking alcohol (*бар*); *heroine* – a female character, not narcotic (*героин*); *mayor* – the head of a city (*мэр*), *not an officer* (*майор*); *parole* – release of a prisoner before the expiry of a sentence, not password (*пароль*); *tort* – a civil offence, not a cake (*торт*).

In conclusion, we would like to note that the practice of exchanging information and experience between lawyers has already become transnational. Illegal drug and arms trafficking, human trafficking, the fight against international terrorism, and financial and economic crimes have led to the development of intensive international cooperation of lawyers.

Under current conditions, legal translations should be handled by specialists with the appropriate level of training. This is possible only if translators become professionals in law or if lawyers obtain a linguistic education. Unfortunately, there are very few lawyers specializing in the translation of legal texts, as they devote most of their time to the study of legal disciplines and therefore in most cases do not have the skills to translate legal texts. We see the solution to this problem in close cooperation between lawyers and linguists. Only in this tandem legal transla-

tion will become professional with preservation of the spirit of the language (its internal form), with regard to lexical details and nuances of legal documentation.

Список литературы

1. *Аитов В.Ф.* Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов (на примере неязыковых факультетов педагогических вузов): Автореф. дис. д-ра пед.наук. Санкт-Петербург, 2007.

2. *Илюхин Н.И.* Характеристика речевого портрета одаренной личности // International innovation research. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2017. С. 102-107.

3. *Исаков В.Б.* Язык права // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 65-80.

4. *James Stuart Olson*, Historical dictionary of the 1950s, Greenwood Publishing Group, 2000.

5. *Тонков Е.Е., Туранин В.Ю.* Лингвистические шибки в текстах русских законов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-oshibki-v-tekstah-rossiyskih-zakonov/viewer>

6. *Максимова С.Ю., Мацюпа К.В.* Основные аспекты взаимодействия языка и права // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та. – 2017. С. 157-162.

7. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-3/st-72-krf>.

8. *Щепалин И.В.* Специфика современного языка права // Вестник Карагандинского юридического института Министерства внутренних дел Республики Казахстан. 2004. – Выпуск 2 (10). – С. 156 – 163.

9. *Вьюшкина Е.Г.* Обучение студентов-юристов навыкам делового общения в рамках программы «Переводчик в сфере коммуникации» // Коммуникации в информационном обществе: проблемы и возможности. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та. 2017. С. 54-58.

10. *Гребнев А.А.* Злоупотребление иностранными словами в русском языке. Часть 1. URL: <http://briuhonog.livejournal.com/6654.html>

References

1. Aitov, V.F. (2007). *Problemno – proektnyi podkhod k formirovaniuu inoiazychnoi professional'noi kompe-tentnosti studentov (na primere neiazukovykh fakul'tetov pedagogicheskikh vuzov): Avto-ref. dis. d – ra ped.nauk [Problematic Project approach to formation of students'*

foreign language professional competency (based on non-language faculties of pedagogical universities): autoref. diss. ... Ph.D. of education]. St. Petersburg. [In Russian].

2. Ilyukhin, N.I. (2017). Kharakteristika rechevogo portreta odarennoi lichnosti [Characteristics of the talented person's verbal portrait]. In *International innovation research. Collection of papers XI International scientific practical conference*. In 2 parts, 102-107 [In Russian].

3. Isakov, V.B. (2000). Iazyk prava [Language of law]. In *Iurislingvistika-2: Russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii: mezhvuz. sb. nauch. tr. [Jurislinguistics-2: Russian language in its natural and legal existence: interuniversity collection of scientific papers]*. Barnaul: Publ. Altai University, 65-80 [In Russian].

4. Olson, J.S. (2000). *Historical dictionary of the 1950s*, Greenwood Publishing Group.

5. Tonkov, E.E. and Turanin, V.Yu. (2012) *Lingvisticheskie oshibki v tekstah rossiyskikh zakonov [Linguistic errors in the Russian texts of law]*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-oshibki-v-tekstah-rossiyskikh-zakonov/viewer> [In Russian].

6. Maksimova, S.Yu. and Matsyupa, K.V. (2017). Osnovnye aspekty vzaimodeistviia iazyka i prava [Major aspects of language and law interaction]. In *Kommunikatsii v informatsionnom obshchestve: problemy i vozmozhnosti [Communications in the information society: problems and opportunities]*. Cheboksary: Publ. Chuvashsky State pedagogical university, 157-162 [In Russian].

7. *Konstitutsiia RF [RF Constitution]*. Retrieved from <http://constrf.ru/razdel-1/glava-3/st-72-krf> [In Russian].

8. Shchepalin, I.V. (2004). Spetsifika sovremennogo iazyka prava [Features of modern language of law]. *Vestnik Karagandinskogo iuridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Res-publiki Kazakhstan [Vestnik of Karaganda law institute of the Ministry of Interior in Kazakhstan Republic]*, 2 (10), 156 – 163 [In Russian].

9. Vyushkina, E.G. (2017). Obuchenie studentov-iuristov navykam delovogo obshchestva v ramkakh programmy "Pere-vodchik v sfere kommunikatsii" [Students training in business communication under the course of «Interpreter in the sphere of communication»]. In *Kommunikatsii v informatsionnom obshchestve: problemy i vozmozhnosti [Communications in the information society: problems and opportunities]*. Cheboksary: Publ. Chuvashsky State pedagogical university, 54-58 [In Russian].

10. Grebnev, A.A. (2015) *Zloupotreblenie inostrannymi slovami v russkom yazyke. Chast 1. [Mal-usage of foreign words in Russian]. Part 1*. Retrieved from <http://briuhonog.livejournal.com/6654.html> [In Russian].

© **Максимова С.Ю., Мацюпа К.В.**

УДК 811.111-26

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10006

ББК 80

АНТИСИММЕТРИЙНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ РОМАНА ГЕНРИХА БЁЛЛЯ «ГЛАЗАМИ КЛОУНА»

С.В. Шиндель, кандидат культурологии, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия, schindelswetlana@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению структурных особенностей романа «Глазами клоуна» Генриха Бёлля. Произведение немецкого писателя является жемчужиной послевоенной литературы Германии. В литературоведении, лингвокультурологии и истории зарубежной литературы освещаются различные аспекты анализа романа «Глазами клоуна». Насчитывается более 150 критических работ, посвященных рассмотрению творческого наследия Генриха Бёлля в целом и произведения «Глазами клоуна» в частности. Будучи писателем-гуманистом, лауреатом Нобелевской премии, Генрих Бёлль оказал огромное влияние на культурное взаимодействие Германии и России. В представленном исследовании используются графические методы, позволяющие наглядно отобразить организацию романа. Подробно рассматривается пятиуровневая модель романа – рефлексия антисимметричных семантических структур в повествовании. Антисимметричные семантические структуры имеют зеркальный вид относительно морфологического центра и реализуют себя на уровне всего романа, на уровне смысловых блоков текста, диалогов, предложения, словосочетаний. Выявленные структуры представлены в виде блок-схем, приводится подробное описание соотношений на всех уровнях романа. В работе представлен анализ семантических антисимметрий на примере символических образов, как то: в системе персонажей, тематике пантомим, в сфере названий религиозных и политических организаций.

Ключевые слова: Генрих Бёлль, роман «Глазами клоуна», графические методы исследования, симметричные семантические структуры, антисимметричные семантические структуры.

ANTISYMMETRIC SEMANTIC STRUCTURES HEINRICH BÖLL'S NOVEL «THROUGH THE EYES OF A CLOWN»

Svetlana V. Shindel, Candidate of cultural studies, Associate Professor of the Department of Translation theory and intercultural communication, Saratov Socio-Economic Institute

(branch) Plekhanov Russian University of Economics, schindelswetlana@mail.ru, ORCID 0000-0002-5253-0068.

Abstract. The article is devoted to the structural features of the novel “Through the eyes of a clown” by Heinrich Böll. The work of this German writer is a gem of post-war literature. In literary studies dealing with the history of foreign literature, various aspects of the analysis of the novel “Through the eyes of a clown” were highlighted. There are more than 150 critical works devoted to the consideration of the creative heritage of Heinrich Böll and the work entitled “Through the eyes of a clown” in particular. As a humanist writer and Nobel prize winner, Heinrich Böll had a great influence on the cross-cultural interaction between Germany and Russia. In the presented study, graphic methods are used to visually display the organization of the book “Through the eyes of a clown”. A five-level model of the novel – the reflection of anti-symmetric semantic structures in the narrative is considered in detail. Antisymmetric semantic structures relate to the morphological center of the language at the level of the entire novel, at the level of semantic blocks of the text, dialogues, sentences, and phrases. The identified structures are presented in the form of flowcharts, and a detailed description of the relationships at all levels of the novel is provided. The paper presents the analysis of semantic antisymmetric on the example of symbolic images, such as the system of characters, the theme of pantomimes, the field of names of religious and political organizations, etc.

Keywords: Heinrich Böll, the novel “Through the eyes of a clown”, graphic research methods, symmetric semantic structures, antisymmetric semantic structures.

Одним из выдающихся произведений немецкой классической послевоенной литературы является роман Генриха Бёлля «Глазами клоуна». Немецкий писатель всецело разделял мнение драматурга Лессинга, который справедливо полагал: «Во всей морали нет лекарства более действенного, более сильного, чем выставление на вид смешного» [5 : 400]. Для Генриха Бёлля таким лекарством стала сатира: неслучайно под пером писателя на бумаге материализовался образ комического актера, 27-летнего клоуна Ганса Шнира.

Сюжет романа – один вечер, выхваченный из жизни молодого человека, наследника богатых родителей, который вынужден зарабатывать себе на жизнь, занимаясь клоунадой. Оказавшись в очередном турне в Бохуме с пантомимой «Чарли Чаплин», Ганс Шнир получает серьезную травму колена и остается фактически без средств к существованию. Он возвращается в Бонн,

в собственную квартиру и, поливая разбитое колено коньяком, составляет список, состоящий из двух колонок: слева оказываются те герои, к помощи которых клоун намерен прибегнуть в первую очередь, справа – те, к кому он обратится только в самом крайнем случае: «...Я выписал из телефонной книжки номера всех, с кем мне придется говорить; слева я записал столбиком имена знакомых, у которых можно перехватить денег: Карл Эдмондс, Генрих Белен – с обоими я учился в школе, первый был когда-то студентом богословия, теперь он учитель гимназии, второй – капеллан; далее шла Бела Брозен – любовница отца; справа был другой столбик, с именами людей, у которых я буду просить денег только в случае крайней необходимости: мои родители, Лео (у Лео можно просить денег, но у него их никогда не бывает, он все раздает); члены католического кружка – Кинкель, Фредебейль, Блотхерт, Зоммервильд» [1 : 27].

Список Шнира – это перечень всех персонажей романа, за исключением любимой им женщины Мари Деркум и Хериберта Цюпфнера, которому участниками католического кружка уготована роль мужа Мари. По этой причине Ганс Шнир стремится в Бонн любой ценой и вынужденно инсценирует свою травму: он падает намеренно, чтобы прервать выступление и, встретившись с Мари, высвободить ее из плена интриганов-церковников католического толка. За три с половиной часа главный герой обзванивает всех персонажей из списка и вскоре понимает: ему неоткуда ждать помощи.

Книга «Глазами клоуна» читается на одном дыхании; приводить подробный литературоведческий анализ нет необходимости: критикой произведения занимались многие зарубежные исследователи, работы которых дают целостное представление о художественной ценности романа. В статье мы проанализируем роман с точки зрения графических методов симметричных/антисимметричных структур на морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом уровнях. Проведенное исследование может дать концептуальное понимание структуры произведения, описать внутреннюю организацию романа [2], а также дать представление об искусствоведческом дискурсе [3, 4] текстов Генриха Бёлля.

На рис.1 представлена блок-схема романа Г. Бёлля «Глазами клоуна».

Уровень всего романа

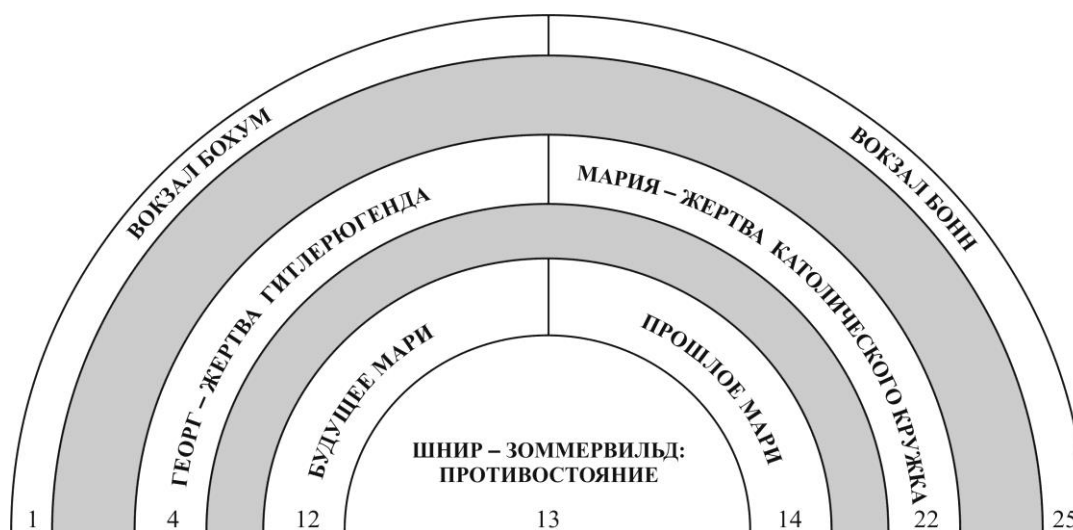

Рис. 1. Первый уровень – уровень всего романа «Глазами клоуна».

Роман «Глазами клоуна» состоит из 25 глав. Морфологическим и семантическим центром является глава 13 – именно в ней состоялся телефонный разговор Шнира с его главным врагом – серым кардиналом Зоммервильдом, главой католического кружка и инициатором разрыва отношений Шнира с Мари. Эту главу можно условно назвать *Шнир-Зоммервильд: противостояние*. Клоун со свойственной ему актерской легкостью и природным талантом обличает мир церковников – мир лжи и обмана, ханжества и подлости, притворства и лицемерия.

Первая и последняя главы семантически объединены темой вокзала: в первой главе получивший травму Ганс Шнир отъезжает в Бонн с вокзала в Бохуме, в последней, 25-й главе он снова оказывается на вокзале в Бонне. Зеркально симметричные 4-я и 22-я главы: в 4-й главе, став жертвой гитлерюгенда, абсурдно погибает десятилетний мальчуган Георг, но если Георг умирает мгновенно физически, то Мари обречена на медленную мучительную духовную смерть: Зоммервильд и его сподвижники навязывают Мари чуждую ей роль «first lady немецкого католицизма», таким образом, убивают в ней и верующего человека, и просто женщину. Зеркально симметричны 12-я и 14-я главы (*будущее Мари – прошлое Мари*): в 12-й главе Шнир вспоми-

нает о своей прошлой счастливой жизни с Мари, а в 14-й главе фантазирует на тему будущей жизни Мари Цюпфнер. Таков *первый уровень* антисимметричной структуры – уровень всего романа.

Второй уровень – это уровень зеркально антисимметричных смысловых блоков в романе. Для большей наглядности эти (анти)симметрии также показаны в виде схемы с теми же обозначениями (рис. 2).

Уровень смысловых блоков романа

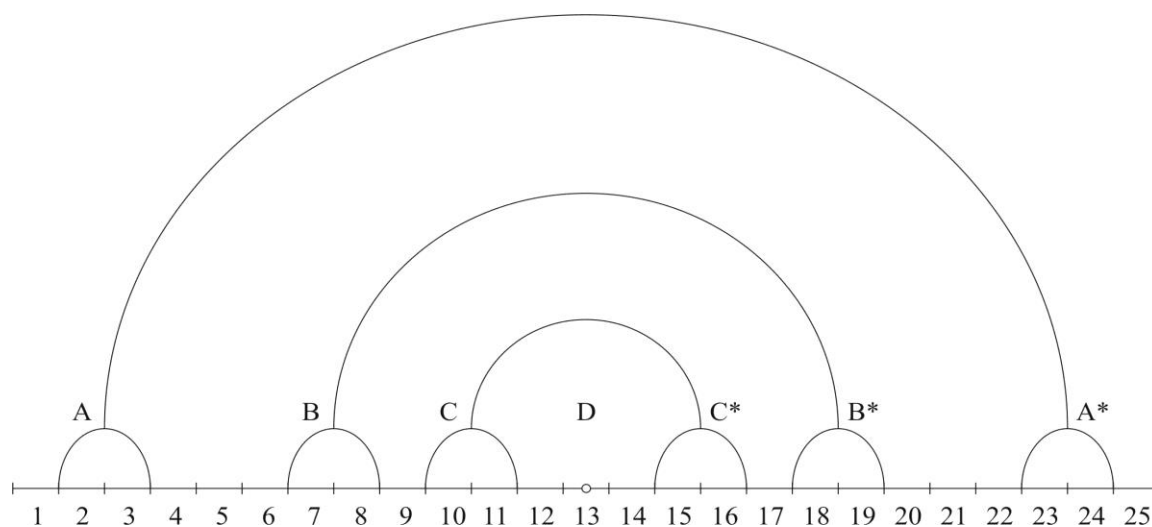

Рис. 2. Второй уровень – уровень смысловых блоков романа «Глазами клоуна»

Особенностью *второго уровня* являются пары глав, симметрично стоящие в романе. Семантически симметричными является пара 2:3: экспрессивным символом становится ржавчина (намек на коричневую символику фашизма); однако во 2-й главе Шнир вспоминает о Мари Деркум (в которую влюблен сам), в 3-й о Монике Зильвс (которая влюблена в него). Зеркально симметричная первой паре вторая – главы 23:24. В 23-й главе Шнир надеется на помощь родного брата Лео, в 24-й главе братья окончательно отдаляются друг от друга, в определенном смысле становятся братьями-изгоями. Симметричное соотношение глав 7:8: в 7-й главе Шнир вспоминает о любви к Мари; в 8-й главе влюбленные расстаются. Зеркально симметричной паре глав 7:8 соответствует пара 18:19. В 18-й главе Шнир представляет будущее Мари, вступившей в брак с Цюпфнером, а в 19-й называет ее своей, но неверной же-

ной. Симметричные главы 10:11 являются важнейшими смыслообразующими элементами романа: в 10-й главе клоун открывает секреты своего актерского мастерства, показывает различные пантомимы, получает удовольствие от своей работы; а в следующей главе комический актер подавлен, он превращается в клоуна, вызывающего жалость. В симметрично стоящей паре глав 15:16 раскрываются отношения Шниров – отца и сына (гл. 15), а в соседней (гл. 16) – отношения отца Ганса Шнира со своей любовницей.

В романе можно выделить и *третий уровень* – это уровень семантической симметрии одной главы. Такой главой в романе, несомненно, является 13 глава – диалог двух противников: клоуна, вызывающего жалость Шнира и «добропорядочного» католика Зоммервильда. Разворачивается жаркий спор на вечные темы истины-лжи, нравственности-морали, искренности-фарисейства. Одержав интеллектуальную победу над Зоммерфельдом, Шнир понимает – Мари ему не вернуть. Таким образом, 13 глава – это еще и уровень диалога (*четвертый уровень*).

Четвертый уровень представлен также диалогом коммуниста *Мартина Деркума* и нациста *гауляйтера Киренхана* (Бёлль сознательно не называет имени нациста, по причине их подавляющего большинства в Германии). «Гаулейтер Киренхан частенько захаживал в лавку к отцу Марии, без всяких церемоний выхватывал из ящика пачку сигарет, не оставляя взамен ни талоннов, ни денег, закуривал, взгромоздившись на прилавок, и говорил:

– А ну-ка, Мартин, как ты думаешь, не засадить ли нам тебя в какой-нибудь уютный, маленький, совсем-совсем не страшный концлагерчик?

И отец Марии отвечал:

– *Черного кобеля* не отмоешь *добела*, а ты из их породы. Они знали друг друга лет с шести. Киренхан приходил в бешенство и предостерегал:

– Смотри, Мартин, соли, да не пересаливай.

И отец Марии отвечал:

– Я сейчас так круто посолою, что ты у меня пулей вылетишь отсюда.

– Придется мне засадить тебя не в самый уютный концлагерь, а какой похуже. [1 : 203-204].

Последний, *пятый уровень* в романе – уровень одного предложения. Например, размышления старого Деркума, отца Мари на тему несхожести нацизма и коммунизма: «Громадная разница, дорогой мой, умирает ли человек на войне, развязанной фирмой жидкого мыла или же гибнет за идею, в которую стоит верить» [1 : 47] (гл. 7). Или кредо Мари, твердо решившей приобщиться к братству католического кружка: «Я должна идти той дорогой, которой должна идти» [1 : 82].

В семантике романа легко узнаваема (анти)симметрия символических образов:

а) в системе персонажей: клоун, вызывающий жалость – псевдокатолик Зоммервилльд; убежденный коммунист Деркум – нацист гаулейтер Киренхан, роли – first lady (Мари Деркум), Sigfried (Ганс Шнир).

б) в области названий религиозных и политических организаций: кружок прогрессивных католиков – бюро по смягчению расовых противоречий.

с) в сфере тематики пантомим: «приезд-отъезд», «в школу-домой», «католическая проповедь-протестантская проповедь», «оборонный совет-заседание наблюдательного совета», «танцующая пара-уличное движение».

В завершении позволим себе сделать один, но самый главный вывод: выявленные в романе зеркальные соотношения организуют антисимметричную семантическую структуру романа «Глазами клоуна» [6]. Эта структура отличается логикой, лаконичностью и, если, угодно, красотой, что лишний раз свидетельствует о виртуозном мастерстве Генриха Бёлля.

Список литературы

1. Бёлль Г. Глазами клоуна: роман / Пер. с нем. Л. Черной. М.: Издательский дом Мещерякова, 2007.

2. Волошинов А.В., Крайнова Е.А. Непрерывность и прерывность художественного времени в контексте культуры // Человек. 2008. № 6. С. 104-120.

3. Жуйкова П.С., Лузенина И.Н. Стилистические особенности искусствоведческого дискурса // Язык и мир изучаемого языка. Сборник научных статей. Саратов: Издательство Саратовского социально-экономического института (филиала) федерального госу-

дарственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», 2019. С. 31-35.

4. *Конторович Е.А., Назарова Е.А., Шеляхина Н.В.* Социально-коммуникативные аспекты изучения дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2008. С. 19-25.

5. *Лессинг Г.Э.* Гамбургская драматургия. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. СПб-М.: М. Вольф, 1904.

6. *Шиндель С.В.* Александр Солженицын и Генрих Бёлль: диалог культур. диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Саратов, 2009.

References

1. Böll, H. (2007). *Glazami klouna: roman / Per. s nem* [Through the eyes of a clown: a novel. Transl. by L. Chernoy]. Moscow: Publishing house Meshcheryakova.

2. Voloshinov, A.V., Krainova, E. A. (2008). *Nepreryvnost' i preryvnost' khudozhestvennogo vremeni v kontekste kul'tury* [Continuity and discontinuity of artistic time in the context of culture]. *Chelovek [Man]*, 6, 104-120.

3. Zhuikova, P.S., Luzenina, I.N. (2019). *Stilisticheskie osobennosti iskusstvovedcheskogo diskursa* [Stylistic features of art history discourse]. In *Iazyk i mir izuchaemogo iazyka. Sbornik nauchnykh statei* [Language and the world of the language studied. Collection of scientific articles]. Saratov: Izdatel'stvo: Saratovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta (filiala) federal'nogo gosudarstvennogo biudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego obrazovaniia "Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G.V. Plekhanova", 31-35.

4. Kontorovich, E.A., Nazarova, E.A., Shelyakhina, N.V. (2008). *Sotsial'no-kommunikativnye aspekty izucheniia diskursa* [Socio-communicative aspects of the study of discourse]. In *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse* [Genres and types of text in scientific and media discourse], Orel: Orlov. gos. in-t iskusstv i kul'tury, 19-25.

5. Lessing, G.E. (1904). *Gamburgskaia dramaturgiia. Sobr. soch. v 5 t.* [The Hamburg dramaturgy. in 5 vols]. Saint-Petersburg – Moscow: M. Wolf, V. 5.

6. Shindel, S.V. (2009). *Aleksandr Solzhenitsyn i Genrikh Bell': dialog kul'tur. dissertatsiia na soiskanie uche-noi stepeni kandidata kul'turologii* [Alexander Solzhenitsyn and Heinrich Böll: dialogue of cultures. dissertation for the degree of candidate of cultural studies]. Saratov.

© Шиндель С.В.

ЛИНГВОДИДАКТИКА (LINGUISTIC DIDACTICS)

УДК 811.111'255.4

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10007

ББК 81.2

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ**

Н.А. Калмазова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, kalmazovana@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы начального этапа обучения письменному переводу в вузе. Приступать к формированию профессиональных навыков письменного перевода целесообразно со студентами, владеющими иностранным языком на уровне не ниже В2. Также учитываются такие факторы, как уровень общеобразовательной подготовки обучающихся; подбор текста нужного уровня для перевода; востребованность текста, подобранного для перевода, на рынке труда; градация вводимых трудностей перевода; градация формирования переводческого мышления.

На практических занятиях необходимо предварительно обсуждать со студентами стилистические особенности английских и русских текстов, выбранных для перевода. При обучении студентов-юристов по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» актуально начинать с перевода юридической переписки. Основной стилистической трудностью здесь является несовпадение форм клише английского и русского языков. При их переводе применяются такие приемы, как нулевой перевод (I look for-

ward to hearing from you shortly), частичный нулевой перевод (Please let me know if you have any particular concerns. Сообщите, если возникнут вопросы.) и целостное преобразование высказывания (Yours sincerely, Sincerely yours, Truly yours, Kind regards – С уважением.).

Ключевые слова: письменный перевод, переводческое мышление, прием перевода, юридическая терминология, юридическая переписка.

STARTING POINTS OF TEACHING WRITTEN TRANSLATION

Nadezhda A. Kalmazova, ORCID: 0000-0002-5406-0581, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, kalmazovana@gmail.com

Abstract. The article deals with the issues of starting points of legal translation at the university. It is efficient to master professional skills of written translation with the students having no less than B2 level. Also it is necessary to note such factors as the level of general knowledge of the students; selection of the level-appropriate text for translation; market demand for the text for translation; gradation of the translation difficulties; gradation of forming translation mentality.

During practical classes it is important to have preliminary discussions of stylistic features of the English and Russian texts selected for translation. While teaching law students within the program “Translator in the Sphere of Professional Communication” it is urgent to start with legal correspondence translation. The main stylistic difficulty of this type of texts is lack of similarity in clichés of the Russian and English languages. Traditional translation techniques of clichés are zero translation (I look forward to hearing from you shortly), partial zero translation (Please let me know if you have any particular concerns. Сообщите, если возникнут вопросы.) and holistic transformation of the phrase (Yours sincerely, Sincerely yours, Truly yours, Kind regards. С уважением.).

Keywords: written translation, translation mentality, translation technique, legal terminology, legal correspondence.

Введение

Начальный этап обучения профессиональному переводу начинается с ответов на два вопроса: когда переводить и что переводить. Преподавателю следует определиться с начальным этапом работы по введению базовых аспектов письменного перевода и с текстом перевода для достижения эффективного усвоения обучающимися вводимого материала. Для этого необхо-

димыми условиями являются посильность и этапность обучения, переход от простых заданий к более сложным.

Постановка проблемы

В данной статье предпринимается попытка определить продуктивное время для начала обучения профессиональному письменному переводу, а также факторы, способствующие эффективному усвоению формируемых навыков у обучающихся.

Методология

Поставленные цели и задачи предполагают использование описательного метода исследования.

Обсуждение

Преподавание письменного перевода в рамках программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» предполагает формирование у обучающихся профессиональных навыков. Обычно к практике перевода приступают при наличии уровня владения иностранным языком не ниже В2. Так, еще Я.И. Рецкер отмечал, что преподавание перевода как особой дисциплины начинается после того, как завершён курс нормативной грамматики изучаемого языка, то есть после первого и второго курсов обучения. [4: 63] С другой стороны, сегодня «при рассмотрении требований к результатам освоения иностранного языка в ФГОС среднего общего образования от учащихся требуется умение переводить несложные тексты». [6:172]

С нашей точки зрения, выбор методов обучения напрямую связан с рядом факторов: 1) с уровнем языковой подготовки обучающихся, 2) с уровнем общеобразовательной подготовки обучающихся, 3) с градацией трудностей в преподавании перевода. Если группа студентов-юристов первого курса соответствует первым двум факторам, то можно приступать к обсуждению трудных единиц и отрезков изучаемых текстов и подбору репрезентативных вариантов перевода уже на том основании, что «a translator has to have a flair and a feel for his own language. There is nothing mystical about his “sixth sense”, but it is compounded of intelligence, sensitivity and intuition, as well as of knowledge. This sixth sense, which often comes into play ... during a

final revision, tells you when to translate literally, and also, instinctively, perhaps once in a hundred or three hundred words, when to break all the “rules” of translation... » [8:3].

В отличие от мировой практики (в таких странах, как Франция, Германия, Великобритания, Швейцария), где общим условием подготовки профессиональных переводчиков является профессиональное знание иностранных языков еще до начала подготовки специалиста в области перевода и межкультурной коммуникации, на переводческих отделениях российских вузов этот этап совпадает с начальным или средним этапом овладения иностранным языком, что влечет за собой трудности не только лексико-грамматического, но и лингвокультурного характера, а также осложняется скромным объемом фоновых знаний о культуре страны ИЯ (исходного языка) и недостаточным жизненным опытом. «Поэтому важным фактором успешности подготовки на данном этапе является отбор дидактических единиц, или материала для перевода. Удачным выбором представляются микро-тексты – афоризмы и цитаты, где в небольшом объеме выражена законченная мысль, как правило, обладающая эмоциональным воздействием, оригинальностью, красотой изложения, не лишенная остроумия». [1. 106-112] Действительно, выбор текста для перевода на начальном этапе обучения существенно важен. В сложности текста реализуется требование градации трудностей перевода. С другой стороны, современные условия рынка переводческих услуг определяют спрос на юридические и экономические тексты. «А вот юридической тематике внимания надо побольше уделять. Очень важно также – язык делового мира: экономика, финансы. Этому нужно учить, начиная со второго курса и до конца». [2: 63-68] Мнения ученых по поводу целесообразности введения профессионального перевода на начальном этапе обучения в вузах совпадают. Главное – выбрать востребованный на рынке текст начального уровня градации трудностей перевода.

При обучении на первом курсе программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» студенты-юристы имеют возможность приобретать первичные навыки перевода и знакомиться с переводческой терми-

нологией. У них начинает формироваться переводческое мышление, что важно, так как при дальнейшем приобретении знаний по теории перевода такого рода перестройка сознания будет способствовать более продуктивному усвоению глубинных знаний. Схожее положение высказывает и Д.И. Ермолович, указывая, что курс перевода обычно состоит из двух частей: базовой и специализированной, где студенты изучают более сложные формы переводческой деятельности. На базовом уровне у студентов складываются знания о переводческой деятельности (теоретические знания) и формируются переводческие навыки (практические навыки). [3: 19]

Первоочередной задачей опытного преподавателя является формирование у обучающихся переводческого мышления. Как правило, это длительный процесс, требующий опыта и умения преподавателя активизировать мыслительный процесс у студентов при их личном анализе единицы перевода и выборе личного аргументированного варианта перевода. Об этом много рассуждает В.В. Сдобников, указывая на то, что при учебном переводе, в отличие от профессионального, «...сам перевод не является инструментом коммуникации в аудитории, ибо студенты и преподаватель общаются на общем для них языке (чаще всего родном). Во-вторых, в ситуации учебного перевода создание конечного продукта – текста на языке перевода – не есть самое важное и не должно рассматриваться в качестве основного результата аудиторной, то есть учебной работы ... задача преподавателя – научить студентов видеть переводческие проблемы с учетом особенностей той ситуации, в которой данный текст мог бы переводиться в реальной жизни, то есть с учетом всех возможных экстралингвистических факторов, осознавать потребности и ожидания возможных получателей перевода, в широком смысле задача заключается в выработке у студентов профессионального переводческого мышления». [5: 490]

Во втором семестре первого курса студенты-юристы уже имеют некоторые общие знания в области юриспруденции, и если группа английского языка имеет уровень B2 или C1, с ней можно приступать к учебному переводу простых юридических текстов. Одним из самых легких, но востребован-

ных текстов является юридическая переписка. Так как на данном этапе обучения у студентов пока отсутствуют знания о предпереводческом анализе, можно выделить общие трудности, которые возникают при переводе данного типа текстов.

Целесообразно предварительно обсудить со студентами стилистические особенности официальных писем русского и английского языков и провести их сравнительный анализ. Так, в традиции составления писем английского языка существуют обязательные клише, такие как 1) обязательная начальная формула: *Dear Sir, Dear Sirs, Dear Mr. ... Dear Mrs. ...* 2) вводная фраза, предшествующая объяснению причины письма: *I am writing to inform / advise you that ... We act for ... / on behalf of ... We are instructed by the above-named client in relation to ... Thank you for your letter / email of ...* 3) отсылка к предыдущим контактам: *Further to our recent correspondence ... I write further to my letter / our meeting of ... As previously discussed ... Following our meeting on...* 4) предложение дальнейшей помощи: *Please let me know if you have any particular concerns ... Please let me know if we can be of further assistance ... If you have any questions, please do not hesitate to give me a call ...* 5) подтверждение полученной информации: *Please find enclosed ... / I am pleased to enclose ..., Could you please confirm that ...* 6) вежливое окончание письма: *I look forward to hearing from you shortly / as soon as possible. I look forward to our meeting / your reply;* 7) заключительная формула вежливости, фамилия, имя, личная подпись *Yours sincerely. Sincerely yours. Truly yours. Kind regards.*

После анализа английского текста необходимо сделать акцент на несовпадения со стилистической нормой составления юридических писем в русском языке. Во-первых, это избыточное использование лексических единиц вежливости. Такие обороты как *I look forward to hearing from you shortly / as soon as possible, I look forward to our meeting / your reply* следует опускать при переводе на русский язык (можно попутно прокомментировать студентам, что это редчайший случай применения приема нулевого перевода, обусловленного стилистической дифференциацией текстов ИЯ (исходного язы-

ка) и ПЯ (переводящего языка)). Во-вторых, это наличие устойчивого набора стандартных клише, которые не творятся каждый раз и не изобретаются, а берутся готовыми. *Настоящим сообщая / сообщаем, что ... Прилагаем ... Действуем от имени / представляем ... клиента, Ссылаясь на ваше письмо от ... В дополнение к нашему письму от ... Как обсуждалось ранее ... По материалам встречи ... Как обсуждалось ранее, Если у вас возникнут вопросы, звоните в любое время / безотлагательно, Пожалуйста, подтвердите получение.*

В следующих примерах сокращается количество слов, обозначающих вежливость. *Please let me know if you have any particular concerns. Сообщите, если возникнут вопросы. I should / would be grateful if you could... Буду признателен, если вы ... Could you please confirm that ... Пожалуйста, подтвердите ...*

В-третьих, часто большая вариативность английских фраз соответствует одной русской фразе *Yours sincerely, Sincerely yours, Truly yours, Kind regards – С уважением.*

Подводя итог сравнительному анализу, можно ввести термин «целостное преобразование высказывания», представляющий собой разновидность «функциональной замены». Это характерный прием перевода данного типа текстов.

Как правило, детальная предварительная проработка текста со студентами дает блестящий результат. Студенческие переводы, выполненные письменно и отосланные на электронную почту преподавателя, являются удовлетворительными и не содержат стилистических ошибок.

Приводим студенческие переводы следующего письма (оформление сохранено в авторском виде).

Dear Gordon,

I am pleased to enclose the Agreement in respect of the above, which has now been agreed by FR Ltd's solicitors. This has not changed since the last version sent to you by email. As previously discussed, please note in particular details

concerning employees in Schedule 5. I don't think there are any surprise there but please let me know if you have any particular concerns.

If you are happy with the same, I would be grateful if you could arrange for the agreement to be executed on behalf of Lincoln James Ltd where indicated. Please bring the executed Agreement along to our meeting on Monday 11th.

I look forward to our meeting.

Kind regards,

Alex Paine [7: 39].

Перевод 1

Уважаемый мистер Гордон!

Настоящим сообщая, что наш договор согласован и утвержден адвокатом компании FR Ltd. В данный вариант договора не были внесены изменения, он соответствует тому варианту, который был послан вам по электронной почте. Как ранее обсуждалось, вам необходимо предоставить информацию относительно служащих предприятия. Сообщите, если у вас появятся предложения или замечания относительно соглашения.

Не могли бы вы подтвердить полномочия по совершению действий в интересах компании FR Ltd. Вам необходимо представить утвержденное соглашение на нашу встречу, которая состоится 11 апреля, в понедельник.

С уважением,

Alex Pain.

Перевод 2

Уважаемый Гордон!

Пишу, чтобы сообщить, что соглашение, в отношении которого говорилось ранее, в настоящее время было согласовано адвокатами компании ФР Лтд. Со времени отправки Вам последней версии по электронной почте изменений нет. В дополнение к нашей последней переписке, пожалуйста, обратите внимание, в частности, на подробности, касающиеся сотрудников,

указанных в таблице 5. Не думаю, что есть какие-то неожиданности, но, если возникли вопросы, пожалуйста, позвоните.

Если Вы согласны с ним, буду признателен, если Вы сможете подготовить соглашение, в котором будет указано, что оно будет исполняться от имени Линкольна Джеймса Лтд. Пожалуйста, возьмите соглашение с исполнением на нашей встрече в понедельник 11-го числа.

*С наилучшими пожеланиями,
Алекс Пейн.*

Перевод 3

Уважаемый Гордон!

Пишу, чтобы сообщить, что соглашение, о котором говорилось ранее, в настоящее время было согласовано адвокатами компании ФР Лтд. Со времени отправки Вам последней версии по электронной почте изменений в соглашении нет. В дополнение к нашей последней переписке, пожалуйста, обратите внимание, на определенные подробности, касающиеся сотрудников, указанных в таблице 5. Не думаю, что что-то из этого стало для Вас неожиданностью, но, если возникли вопросы, пожалуйста, позвоните.

Если Вы согласны с ним, буду признателен, если Вы сможете подготовить соглашение, в котором будет указано, что оно будет исполняться от имени Линкольна Джеймса Лтд. Пожалуйста, возьмите соглашение с исполнением на нашу встречу в понедельник 11-го числа.

*С нетерпением жду нашей встречи.
С уважением,
Алекс Пейн.*

Перевод 4

Уважаемый Гордон!

Сообщаю Вам о том, что условия Соглашения в настоящее время согласованы адвокатами FR Ltd. Они не изменились, по сравнению с той версией, которая была послана Вам по электронной почте. Обратите внима-

ние, в частности, на то, что касается работников в Расписании. Полагаю, нового здесь ничего нет, но если понадобится помощь, обратитесь ко мне.

Если вы согласны со всеми пунктами, подтвердите полномочия Линкольна Джеймса, указанные в Соглашении. Пожалуйста, принесите Соглашение, согласованное Вами, на нашу встречу 11 апреля.

С уважением,

Alex Paine.

Перевод 5

По результатам проведенных переговоров, в настоящее время юристами компании FR Ltd's согласовано содержание договора. В связи с тем, что в договор не внесены изменения, его последняя редакция направлена Вам по электронной почте.

Пожалуйста, обратите особое внимание на список работников, содержащийся в Приложении 5. Мы предполагаем, что список содержит известную Вам информацию, но, если у Вас возникнут вопросы, пожалуйста, сообщите.

Если вы согласны с изложенным и организуете исполнение условий договора от имени Lincoln James Ltd, мы Вам будем очень благодарны. Предоставьте, пожалуйста, договор с исполнением в момент заключения во время нашей встречи в понедельник 11 апреля.

С уважением,

Alex Paine.

Перевод 6

Уважаемый, Гордон

Настоящим письмом сообщаю, что адвокатами FR Ltd поправки к проекту Соглашения в данный момент приняты. Проект не менялся и в последней согласованной версии отправлен Вам по электронной почте. Как дополнение к нашей последней переписке, просим, обратите внимание, в частности, на оговорки в Приложении 5, касающиеся сотрудников. Я не думаю,

что там вы найдете какие-либо новшества, но, пожалуйста, дайте мне знать, если у вас возникнут какие-либо вопросы. Если Вас все устроит, также прошу сообщить. Я буду благодарен, если Вы сможете подтвердить, что организацией выполнения соглашения будет заниматься Линкольн Джеймс ЛТД, что было указано. Просим принести окончательно оформленное Соглашение на нашу встречу одиннадцатого числа в понедельник.

С уважением,

Алекс Пейн.

Как видно из примеров, стилистические ошибки по использованию неправильной формы клише при переводе на русский язык встречаются во втором и третьем письме. Эти студенты отсутствовали на занятии по стилистическому сравнению норм английского и русского языков. Отсюда и такие ляпы, как «Пишу, чтобы сообщить ...», «С нетерпением жду нашей встречи ...», «С наилучшими пожеланиями ...». Остальные студенты достойно справились с поставленной задачей.

Дальнейшая работа с переводами связана с обсуждением точности терминологии (*Schedule* – таблица или расписание, или приложение?) и ее единообразия («*Настоящим сообщая, что наш договор согласован и утвержден ... Сообщите, если у вас появятся предложения или замечания относительно соглашения.*»). Также следует начать анализировать сложнейший аспект перевода – нарушение лексико-фразеологической сочетаемости. Практически все переводы имеют данный недостаток: «В дополнение к нашей последней переписке», «... организуете исполнение условий договора», «там вы найдете какие-нибудь новшества», «дайте мне знать». На данном этапе обучения достаточно указать студентам на эту трудность и прокомментировать ее, заложить глубину и важность данной переводческой проблемы в сознание студентов. Это предварительный этап формирования переводческого мышления.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что обучение письменному профессиональному переводу в вузе можно начинать с первого курса. Необходимо учитывать следующие факторы: 1) уровень языковой подготовки обучающихся; 2) уровень общеобразовательной подготовки обучающихся; 3) подбор текста нужного уровня для перевода; 4) востребованность текста, подобранного для перевода, на рынке труда; 5) градация вводимых трудностей перевода; 6) градация формирования переводческого мышления.

Для студентов-юристов актуально начинать с перевода юридической переписки, где основной стилистической трудностью является несовпадение форм клише английского и русского языков. При их переводе применяются такие приемы, как нулевой перевод, частичный нулевой перевод и целостное преобразование высказывания.

Список литературы

1. *Бутько Ю. В.* Прагматический аспект перевода микротекстов на начальном этапе обучения // Ярославский педагогический вестник. 2015. №4. С. 106-112
2. *Ваняшкин С. Г.* Об использовании профессионального опыта выпускников при обучении переводчиков // Мосты 2009. №3. С. 63-68
3. *Ермолович Д. И.* Русско-английский перевод. М.: Аудитория, 2016.
4. *Рецкер Я. И.* Основные этапы подготовки переводчика // Тетради переводчика 1967. №1. С. 63-76.
5. *Сдобников В. В.* Профессиональный перевод vs учебный перевод: проблема оценки качества // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы VIII международной научной конференции Н.Ф. Герман [и др.]; под ред. Л.А. Нефёдовой. Челябинск: Изд-во Энциклопедия, 2016. С. 489-493.
6. *Трубина З. И.* Письменный перевод как средство обучения иностранному языку в средней общеобразовательной школе // Педагогическое образование в России. 2016. №3. С. 171-175.
7. *Gillian D., Rice S.* (2007). Professional English in Use. Law. Cambridge: Cambridge University Press.

8. Newmark P. A. (1988). *Textbook of Translation*. Great Britain: by A. Wheaton & Co. Ltd, Kxeter.

References

1. Butko, U. V. (2015). Pragmaticeskii aspekt perevoda mikrotekstov na nachalnom etape obuchenija [Pragmatic Aspect of Microtext Translation at the Starting Level of Training]. *Jaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Jaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 4, 106-112 [in Russian].

2. Vanjashkin, S.G. (2009). Ob ispolzovanii professionalnogo opita vipusnikov pri obuchenii perevodchikov [More About the Using of Professional Experience of the Graduates while Teaching Translators]. *Mosti [Bridges]*, 3, 63-68 [in Russian].

3. Jermolovich, D.I. (2016). *Russko-Angliiskii Perevod [Russian-English Translation]*. Moscow: Auditoria [in Russian].

4. Retsker, J. I. (1967) Osnovnie etapi podgotovki perevodchika [The Main Stages of Training a Translator]. *Tetrad perevodchika [Copybooks of Translator]*, 1, 63-76 [in Russian].

5. Sdobnikov, V.V. (2016). Professionalnii perevod vs uchebnyi perevod: problema otsenki kachestva [Professional translation vs Teaching Translation: the Issue of Quality assessment]. In L.A. Nefjodova (Eds), *Slovo, viskazivaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektah [Word, Statement, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects]* (pp. 489-493). Chelabinsk: Entsiklopedia [in Russian].

6. Trubina, Z.I. (2016). Pismennii perevod kak sredstvo obuchenija inostrannomu jaziku v srednei obshcheobrazovatelnoi shkole [Written Translation as the Means of Teaching Language in the Secondary School]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical Education in Russia]*, 3, 171-175 [in Russian].

7. Gillian, D., Rice, S. (2007). *Professional English in Use. Law*. Cambridge: Cambridge University Press.

8. Newmark, P. A. (1988). *Textbook of Translation*. Great Britain: by A. Wheaton & Co. Ltd, Kxeter.

© **Калмазова Н.А.**

УДК 811.111'34: 378.147

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10008

ББК 81.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ И ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

А.Л. Игнаткина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, anastasiaignatkina777@gmail.com

И. Тосункуоглу, доцент кафедры Западных языков и литературы, подразделение английского языка и литературы Филологического факультета Турецкого государственного университета Карабюк, irtosun@yahoo.com

Аннотация. Благодаря развитию и распространению информационных технологий в сетевом доступе оказывается большое количество открытых материалов, которые могут быть использованы в учебных целях: видеофрагменты, текстовые документы, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, иные материалы. Новые возможности, связанные с открытостью цифрового пространства, привели к смене парадигмы в языковом образовании в области учебного дизайна и материалов. Использование открытых образовательных интернет-ресурсов (далее – ООИР) в языковом образовании становится все более актуальным направлением исследований: к настоящему времени проведены исследования, посвященные влиянию ООИР на изучение языка, отношению учащихся и преподавателей к цифровым форматам учебных материалов; преимуществам и недостаткам технических средств обучения и др. Существующие наработки в этом направлении имеют большое прикладное значение, однако результаты и рекомендации носят, в основном, общий характер, а применение ООИР в языковом образовании более узкой направленности, такой, как английский язык для специальных (юридических) целей, остается вопросом мало изученным. Данное исследование направлено на обзор ООИР для изучения английского языка в сфере юриспруденции с целью 1) анализа их когнитивной доступности для обучаемых и 2) их классификации на основе когнитивных действий, которые они позволяют учащимся выполнять.

Теория когнитивной нагрузки и разработанные на ее основе рекомендации по созданию и использованию мультимедийных обучающих средств используются автором в качестве теоретически обоснованного критерия отбора ООИР в соответствии с их когнитивной доступности для учащихся. Новая Таксономия Образовательных Целей (далее –

НТОЦ) применяется как основа классификации ООИР и их веб-инструментов в соответствии с когнитивными уровнями, которые задействованы у обучающихся в процессе их использования.

Ключевые слова: информационные технологии, лингвистическое образование, учебные материалы.

USING OPEN EDUCATIONAL INTERNET RESOURCES IN TEACHING AND LEARNING ENGLISH IN THE FIELD OF LAW

Anastasia L. Ignatkina, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6998-3602>, Saratov State Law Academy”, Volskaya, 1, Saratov, Russia; anastasiaignatkina777@gmail.com

Irfan Tosuncuoglu, ORCID: 000-0002-0213-3574, Karabük university, Karabük Üniversitesi Demir Çelik Kampüsü, Kılavuzlar Köyü, 78050, Karabük Turkey, irtosun@yahoo.com

Abstract. The development and dissemination of information technologies have resulted in the availability of a large number of open online resources that can be used for educational purposes. New opportunities associated with the openness of the digital space have led to a paradigm shift in language tuition, educational design and materials being adjusted to the new reality. The use of open online educational resources (hereinafter – OoER) in language education is becoming an increasingly important research domain. To date, there are studies exploring the impact of OoER on learning a foreign language and the attitude of students and teachers to the digital formats of teaching materials, advantages and disadvantages of teaching through technology, etc. Findings in this area are of great practical significance, but the results and recommendations are mostly general, and the use of OoER in language education of a narrower focus, such as English for Legal Purposes (hereinafter — ELP), remains understudied. This study is aimed at reviewing OoER for ELP with the aim of 1) analyzing their cognitive accessibility for trainees and 2) classifying them based on the students’ cognitive actions evoked in the use of a specific OoER.

The theory of cognitive load (J. Sweller) and the recommendations for the creation and use of multimedia teaching tools developed on its basis are used by the author as a theoretically justified criterion for selecting OoER in accordance with their cognitive accessibility for students.

The new taxonomy of educational goals (A. Churches, E. Öztürk) is used as the basis for classifying OoER and their web tools according to the cognitive actions evoked in the process of using them.

Keywords: information technologies, linguistic education, educational materials.

Введение

Сегодня обмен знаниями в совместной информационно-коммуникационной среде стал доступным для большинства пользователей благодаря удобству и простоте имеющихся в их распоряжении веб-инструментов. Это позволяет производить материалы и обмениваться информацией в глобальном масштабе, работать над созданным материалом путем редактирования, связывания и смешивания. Таким путем сегодня появляется большинство ООИР.

Интеграция ООИР в иноязычное образование изучается сегодня с разных точек зрения. По наблюдению автора, исследования в этом направлении можно условно разделить на три группы.

Первую группу представляют работы, направленные на изучение новых возможностей ООИР в обучении. В них рассматриваются такие вопросы, как влияние мультимодального формата обучения на формирование языковых навыков [4], учебная автономия [10], взаимодействие и мотивация [6]. Соответственно, в исследованиях первой группы применение цифровых технологий в языковом образовании заявлено как инструмент для преобразования педагогики, разработки учебных программ и концепций обучения.

Вторая группа представлена эмпирическими исследованиями, вдохновленными выводами когнитивных психологов о влиянии цифровой среды на процесс познания человека. Теоретической основой многих из них является теория когнитивной нагрузки [19], которая внесла большой вклад в объяснение когнитивных процессов, происходящих во время учения. Согласно данной теории, учебный материал необходимо создавать таким образом, чтобы нагрузка на рабочую память была минимальной, и тогда учебная информация будет обрабатываться быстрее и эффективнее. Теория когнитивной нагрузки нашла практическое применение в исследованиях, которые, в свою очередь, имеют важное прикладное значение, поскольку они содержат рекомендации как для создателей мультимедийных средств обучения (их подавляющее большинство можно отнести к категории ООИР), так и для препода-

вателей, желающих использовать технические средства и онлайн-ресурсы в учебном процессе [8].

Тем не менее, вопрос, как эффективно интегрировать современные технологии непосредственно в языковое образование, стоит очень остро до сих пор. На этом и сосредоточены исследования третьей группы, интересующиеся частными аспектами применения тех или иных современных технологий в лингводидактике. По наблюдениям автора, выводы исследователей свидетельствуют о неоднозначном влиянии новых технических возможностей, как на преподавателей, так и на обучающихся. Такие темы, как когнитивная перегрузка в процессе использования онлайн-ресурсов на иностранном языке [13; 16], особенности метакогнитивных процессов в изучении иностранного языка по онлайн-ресурсам [9; 14], воздействие экрана устройства на восприятие и усвоение учебной информации [21], стратегии чтения с бумажного носителя и с экрана устройства [11, особенности использования конкретных веб-инструментов в изучении английского языка [12: 20] интересуют сегодня исследователей в области лингводидактики.

Как показал обзор литературы, существует дефицит исследований, направленных на применение ООИР в языковом образовании узкой направленности, такой как английский язык для специальных (юридических) целей. В этом отношении изучение, отбор и классификация ООИР, пригодных для обучения английскому языку в сфере юриспруденции в соответствии с 1) их когнитивной доступностью для учащихся и 2) когнитивными действиями, которые они позволяют обучаемым выполнять, являются актуальными исследовательскими задачами.

В качестве теоретически обоснованного критерия отбора ООИР в соответствии с их когнитивной доступности для обучаемых используется теория когнитивной нагрузки [19] и разработанные на ее основе рекомендации по созданию и использованию мультимедийных обучающих средств [8].

Новая Таксономия Образовательных Целей (далее — НТОЦ) используется как основа классификации ООИР и их веб-инструментов на соответ-

ствующие когнитивные уровни. Данное исследование направлено на решение проблемы технологической интеграции ООИР в лингводидактику.

Постановка проблемы

Использование ООИР в изучении английского языка позволяет учащимся выйти за рамки учебного дискурса, предоставляя им возможность погрузиться в аутентичный иноязычный дискурс. Разнообразные веб-инструменты, такие как сайты социальных сетей, блоги, приложения для создания собственного контента, виртуальные миры позволяют пользователям создавать и обмениваться мультимедийной информацией в глобальном масштабе. Сегодня студенты больше не являются пассивными получателями знаний. Они — активные участники, которые создают свой учебный материал, распространяют знания, участвуют в различных сообществах и получают обратную связь от других.

По определению Е. Озгюрк (2019), современных учащихся можно считать «коренным населением цифрового пространства» (“digital natives”) [15: 284]; в связи с этим исследователь предлагает воспринимать интеграцию веб-инструментов в современное образование процессом естественным и неизбежным. В тоже время, исследователи, занимающиеся изучением влияния цифровой среды на когнитивные процессы человека, все чаще заявляют о том, что если образование всецело строить на основе цифровых средств обучения, то это может привести к формированию у обучающихся иллюзорных представлений об уровне и качестве собственных знаний. По определению Б.С. Сторм, у обучающегося возникает «метакогнитивная иллюзия» (“metacognitive illusion”) [18: 30], то есть ситуация, когда человек полагает, что приобрел знания, но на самом деле это не так. Это лишь обманчивое восприятие учения как результативного процесса. По мнению Е.Дж. Марш и С.Раджарам (2019) причиной снижения эффективности учения сегодня является обилие информационных потоков: доступность информации исключает необходимость ее запоминания, а это оказывает негативное влияние не только на память, но и на всю систему познания [13: 3]. Например, в исследовании С. Саурабх и С. Гаутам (2019) приводятся результаты опроса студентов,

которые являются подписчиками образовательного канала YouTube, созданного этими учеными. Было установлено, что мобильный телефон используется подавляющим большинством пользователей для просмотра учебных материалов. Самые просматриваемые учебные видео это те, которые не превышают 3-10 минут, причем в самом начале видео должно быть очень привлекательным и захватывающим, иначе его не досматривают до конца [17: 151]. Эти данные можно расценивать как свидетельство того, что, доступность цифровых устройств, которые всегда под рукой, меняет стратегии учения: усидчивость и внимательное, вдумчивое изучение больших объемов информации сегодня уступили место клиповому стилю познания.

Когнитивный процесс учения находит объяснение в теории когнитивной нагрузки [19]. Согласно данной теории, существует три типа нагрузки на когнитивный аппарат человека в процессе учения. Первый тип – это *присущая когнитивная нагрузка* (связанная с содержанием обучения), второй тип – это *уместная когнитивная нагрузка* (связанная с деятельностью, которую выполняют учащийся) и третий тип это *чужеродная когнитивная нагрузка* (ненужная информация или действия, которые приводят к перегрузке рабочей памяти). В соответствии с данной теорией были разработаны рекомендации по созданию и применению мультимедийных средств обучения, в частности тех, которые объединяют текст, видео/анимацию и звук [8]. Приведем наиболее важные из них:

- текст должен сопровождаться видео/графикой;
- текст должен восприниматься учащимися на слух, а не прочитываться;
- следует избегать слишком объемного и сложного текстового материала;
- следует исключить из текста всю лишнюю информацию;
- следует делить материал на фрагменты; максимальная длительность одного фрагмента должна быть ± 5 минут;
- каждый фрагмент видео должен сопровождаться практическими заданиями;
- не следует позволять учащимся контролировать воспроизведение/остановку виде/аудио материала и др.

Эти рекомендации позволяют снизить нагрузку на рабочую память обучающегося, и если им следовать, то материал, представленный в мультимедальном формате, принесет пользу в учебном процессе.

Другая проблема, которая возникла с развитием новых технологий, связана с разнообразием существующих цифровых ресурсов. Учащиеся имеют возможность получать информацию из многочисленных источников (сайтов, мобильных приложений и т.д.), но все эти ООИР очень разнообразны, у них разные цели и работа с ними требует наличия разных навыков. Именно поэтому возникла необходимость в категоризации ООИР, которая отразила бы взаимосвязь между конкретными когнитивными действиями, которые происходят в процессе использования конкретного ООИР в процессе учения.

Еще в 1956 году была разработана таксономия образовательных целей (далее – ТОЦ) группой педагогов во главе с Бенджамином Блумом. ТОЦ представляет собой один из вариантов классификации педагогических целей [1]. Она делит образовательные цели на три сферы: когнитивную, аффективную и психомоторную, которые можно соответственно описать словами «знаю», «чувствую» и «творю». Внутри каждой отдельной сферы для перехода на более высокий уровень необходим опыт предыдущих уровней. Согласно ТОЦ, задачи обучения классифицируются на 6 уровней:

- 1) Знание,
- 2) Понимание;
- 3) Применение;
- 4) Анализ;
- 5) Синтез;
- 6) Оценивание.

ТОЦ долгое время рассматривалась как инструмент для мотивации педагогов уделять внимание всем трем сферам, предлагая, таким образом, наиболее полную форму обучения.

Позднее, в 2001 году, ТОЦ была пересмотрена в соответствии с критикой ее строгой иерархической и одномерной структуры [5]. С внедрением технологий в сферу образования изменился порядок преподавания и потреб-

ности учащихся. Обучение больше не ограничивается традиционными учебными моделями и печатными материалами. Обучающиеся имеют возможность самостоятельно получать информацию из различных источников и управлять процессом своего учения благодаря образовательным сайтам, мобильным приложениям, системам управления обучением и т.д. Поэтому возникла необходимость в таксономии, отражающей когнитивные процессы человека в условиях обучения в цифровых средах. С этой целью была разработана новая таксономия образовательных целей для цифровой среды (далее – НТОЦ), которая позволяет рассматривать новые формы поведения и действий, возникающие по мере развития образовательных технологий [7]. Ряд исследователей рассматривает НТОЦ как основу рассмотрения новых форм поведения и действий обучаемых, возникающих по мере их вовлеченности в обучение в цифровой среде [2; 3; 15].

Согласно НТОЦ, задачи обучения также классифицируются на 6 уровней, но они отличаются от классического варианта ТОЦ [5]. Сопоставление уровней показано в Таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление уровней задач обучения в ТОЦ и НТОЦ

Уровень задач обучения (№)	ТОЦ	НТОЦ
1	ЗНАНИЕ	ЗАПОМИНАНИЕ
2	ПОНИМАНИЕ	ПОНИМАНИЕ
3	ПРИМЕНЕНИЕ	ПРИМЕНЕНИЕ
4	АНАЛИЗ	АНАЛИЗ
5	СИНТЕЗ	ОЦЕНКА
6	ОЦЕНКА	СОЗДАНИЕ

В обоих вариантах таксономий учитывается восходящий порядок от навыков мышления более низкого порядка к навыкам мышления более высокого порядка. Но именно в НТОЦ отражен уровень «Создание», который стал доступным лишь на современном этапе развития цифровых технологий и в условиях пользовательской доступности данных технологий для молодого поколения.

го поколения. Это означает, что НТОЦ отражает возможность объединения действий, направленных на обучение (модус преподавателя), и действий, направленных на учение (модус учащегося). Таким образом НТОЦ можно считать основой для классификации ООИР для изучения английского языка с учетом когнитивных процессов, которые «пробуждаются» в ходе работы обучающихся с конкретным ООИР, и действий, которые совершаются обучающимися для осуществления задач учения.

Методология

Решение проблемы технологической интеграции ООИР в преподавание английского языка для юридических целей потребовало постановки двух исследовательских задач: отбора ООИР и их классификации на основе распределения когнитивных действий в соответствии с НТОЦ.

В этом отношении как качественные, так и количественные данные были собраны в рамках смешанного метода исследования.

Для решения задачи отбора ООИР, качественные данные были собраны с помощью анализа и оценки электронных документов в соответствии с рекомендациями по созданию и использованию мультимедийных обучающих средств [8].

Количественные данные были собраны в процессе классификации качественных данных на основе конкретных тем и категорий. В этой связи НТОЦ была использована в качестве измерительного инструмента для классификации ООИР в соответствии с тем, какой когнитивный уровень они развивают у обучающихся.

Обсуждение

В 21 веке задача преподавателя по-прежнему состоит в том, чтобы помочь обучающимся получить доступ к источникам информации, запомнить, понять, применить то, что они узнали, проанализировать и оценить процесс учения вместе с результатами и, наконец, создать что-то новое, свое. Рассмотрим, как эти образовательные цели можно соотносить с когнитивными действиями в цифровом формате обучения.

Будучи первым уровнем в НТОЦ, действие «запоминание» отвечает за поиск материала в цифровом носителе. В цифровой среде обучающиеся окружены знаниями, которые растут с беспрецедентной скоростью. В результате практически невозможно запомнить каждый фрагмент информации. Таким образом, учащиеся используют некоторые «цифровые» стратегии для поддержания знаний, такие как закладки, маркировка, поиск в интернете, выделение, добавление URL-адреса веб-сайта и т. д. Эти действия помогают обучающимся находить, определять и запоминать информацию в цифровой среде.

К уровню «запоминание» относятся такие когнитивные действия как узнавание, именованное, припоминание. В изучении иностранного языка в первую очередь необходимо запоминать новую лексику. Для работы с лексикой напрямую приспособлены такие ООИР, как Socrative, Kahoot, Quizlet. Это ресурсы направлены на намеренное наращивание словарного запаса. Они позволяют загружать списки юридических терминов с переводом и/или толкованием, создавать карточки с примерами употреблений. Работая с данными ООИР, студенты могут создавать свой собственный учебный материал и/или переработать уже созданный. Бесспорно, это эффективные инструменты не только для изучения лексики, но и для развития метакогнитивных стратегий для изучения языка в целом.

Некоторые сайты, которые можно отнести к категории языковых классов, также могут быть очень эффективны для запоминания лексики, при условии, если они представляют лексические единицы в аудио, видео или визуальных элементах. В качестве примера можно назвать такие ресурсы, как Study Legal English, Rule of Law, Business English Pod: Legal English и др.

Уровень «понимание» относится к пониманию языкового феномена посредством объяснения, перефразирования, иллюстрирования, обобщения и перевода [5]. На развитие понимания непосредственно направлены сайты категории языковых классов. Для обучающихся с более высоким уровнем владения языком будет полезен такой ООИР как Ted Talks (Law). Лекции, которые можно слушать на этом ресурсе, имеют удобный формат, не успевают стать скучными и утомить своей сложностью. После прослушивания можно

выписать новые слова и фразы, проверить их значения, повторно прослушать сложные моменты. Наличие субтитров и транскриптов является важным преимуществом этого ресурса: в транскрипте выделяются слова, которые в данный момент произносит лектор. Для будущих юристов, изучающих английский язык, Ted Talks полезен еще и тем, что помогает понять, как выстроить публичное выступление, какие фразы надо использовать для введения в тему, для обратной связи, для шутки.

Кроме языковых классов и площадок, подобных Ted Talks, к уровню «понимание» также могут быть отнесены ООИР, приспособленные для тестирования (например, Socrative, Kahoot, Quizlet) при условии, что вопросы в тестах будут направлены на измерение того, понимают учащиеся тему или нет.

Уровень «применение» относится к выполнению процедуры, посредством которой изучаемый материал начинает использоваться. Ключевыми действиями для этого уровня являются запуск программы, редактирование, загрузка и использование материала. К этой категории можно отнести такое действие, как запись голоса для целей изучения языка. Соответственно, к этому уровню можно отнести веб-инструменты, позволяющие обучающимся играть в онлайн-игры (например, GoNoodle), записывать свой голос и загружать его (например, Audacity – бесплатный многоплатформенный аудиоредактор звуковых файлов).

Уровень «анализ» подразумевает способность разбивать что-то на составляющие и обнаруживать связь между частями и целым. Процесс анализа требует умственных усилий, направленных на организацию, сравнение и дифференциацию компонентов. Примером анализа может служить создание онлайн-опроса с использованием графических инструментов. Например, при помощи Google Forms обучающиеся могут проводить онлайн-опросы, которые помогают им рассмотреть различные аспекты проблемы и точки зрения на нее. Кроме того, при обработке результатов опросов учащиеся развивают критическое мышление, формируют гипотезы.

Будучи навыком мышления более высокого порядка, «оценка» относится к вынесению суждений о ценности идей, концепций, материалов или ме-

тодов в соответствии с заранее определенными стандартами. Оценка включает в себя такие действия, как критика, опрос, суждение, проверка, выдвижение гипотез, тестирование и мониторинг [20]. В цифровой среде это действия по сотрудничеству, созданию форумов, размещению сообщений, тестированию и проверке. Конкретные примеры могут включать участие в дискуссионных форумах посредством видеоконференцсвязи, публикации комментариев в блогах и др. ООИР, приспособленные для блоггинга, например, Blogger, относятся к уровню «оценка», если они используются для самовыражения и рефлексивного письма. Вообще, для будущих юристов блоггинг как инструмент обсуждения имеет много преимуществ в изучении иностранного языка. Прежде всего, он служит средством самовыражения, способствует развитию критического мышления, поскольку позволяет обучающимся тщательно формулировать мысли, отстаивать свое мнение и контролировать свое мышление.

Находясь на вершине таксономии, уровень «создание» означает соединение частей вместе, производство чего-то нового. Этот процесс включает в себя планирование, организацию, формулирование, генерирование, модификацию и производство. Что касается цифровой среды, то кинопроизводство, анимация, публикация и ведение блогов входят в уровень «создание». Будучи высшим уровнем таксономии, «создание» включает в себя интеграцию предыдущих когнитивных уровней. Например, чтобы создать цифровую историю, обучающиеся должны разработать сценарий с соответствующей целью. Персонажи должны быть хорошо подобраны, а макет, фоновая музыка/звуковые эффекты должны быть соединены в единое целое. Все эти детали указывают на глубокое понимание, эффективный анализ и точную оценку концепции или материала. Результаты распределения ООИР по уровням НТОЦ, соответствующим когнитивным действиям, которые совершает обучающийся, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределения ООИР по уровням НТОЦ

Когнитивное действие	ООИР
ЗАПОМИНАНИЕ	https://studylegalenglish.com https://www.ruleoflaw.org.au/education/videos/ Business English Pod: Legal English https://www.wizer.me/ https://socrative.com/ https://kahoot.com/ http://meetingwords.com/
ПОНИМАНИЕ	https://studylegalenglish.com https://www.youtube.com/playlist?list=PLONc4a6CZeA3dDIEu4V76NbyA-xwu42UP https://www.ruleoflaw.org.au/education/videos/ Business English Pod: Legal English https://www.ted.com/search?q=law https://www.youtube.com/channel/UCg2hOhwtHaLnk6CvMzNtIrAUSLawEssentials https://www.wizer.me/ https://quizizz.com/ https://socrative.com/ https://kahoot.com/
ПРИМЕНЕНИЕ	https://www.audacityteam.org/ https://www.gonoodle.com/
АНАЛИЗ	https://docs.google.com/forms/u/0/
ОЦЕНКА	https://www.blogger.com/about/?hl=ru
СОЗДАНИЕ	https://blogspot.com https://www.blogger.com/ https://www.moovly.com/ https://www.thinglink.com/ https://www.kapwing.com/ https://app.edu.buncee.com/ https://sway.office.com/ https://www.educrations.com/ https://nearpod.com/ https://www.powtoon.com/ https://vizia.co/

Заключение

Сегодня общепринято считать, что языковое образование не может быть изолировано от веб-технологий. Но успех интеграции новых технологий в языковое образование напрямую зависит от педагогического планирования и качества реализации преподавателем своих действий. Часто преподаватель полагает, что использование технического средства гарантирует успех, и старается использовать новый цифровой ресурс на занятии, но нередко это приводит к полному хаосу. Умение преподавателя иностранных языков применять ООИР с учетом их распределения по уровням таксономии образовательных целей является неотъемлемой составляющей качественного учебного процесса. Поэтому очень важно, чтобы преподаватели четко представляли себе и образовательные цели, и возможности современных ООИР, и, принимая во внимание потребности обучающихся, выбирали наиболее подходящий цифровой ресурс.

Результаты исследования указывают на то, что ООИР можно использовать на каждом этапе обучения. Результаты также показали, что некоторые ООИР подходят для более, чем одной категории, что может быть объяснено многомерным свойством веб-инструментов.

Основной вывод, который можно сделать из полученных результатов, заключается в том, что, хотя ООИР и имеют многомерные функции, они могут оказаться неэффективны, а, зачастую, и неприменимы, на конкретных уровнях познания: они могут стать источником когнитивной перегрузки обучающегося, если педагог невнимательно отнесется к тому, какой когнитивный уровень развивает избранный ООИР. Следовательно, успешная интеграция технологий в лингводидактику зависит от тщательного планирования и грамотной организации информационных процессов преподавателем.

Список литературы

1. *Бактыбаев Ж. Ш.* Использование технологии таксономии Блума в учебном процессе вуза // Ярославский педагогический вестник. 2017. (1). С. 150-153.
2. *Макеева Е. Ю.* Таксономия оценивания в онлайн-классе // Поволжский педагогический вестник. 2016. 3 (12). С. 60-65.

3. Мусаева Н. Н., Авлиякулов Н. Х. Таксономия учебных целей для современного учебного процесса системы среднего специального и высшего профессионального образования // Проблемы современного образования. 2017. (3). С. 76-81.

4. Сырина Т. А. Когнитивная визуализация: сущность понятия и его роль в обучении языку // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 7 (172). С. 81-85.

5. Anderson L. W. A taxonomy of teaching and learning: A revision of Bloom's Taxonomy of educational objectives / L. W. Anderson & D. R. Krathwohl, (Eds.), 2001.

6. Bilova S. Collaborative and individual vocabulary building using ICT // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2018. № 53 (66). P. 31-48. DOI: 10.2478/Slgr-2018-0002.

7. Churches A. Bloom's taxonomy blooms digitally // Tech & Learning. 2008. № 1. P. 1-6.

8. De Bruyckere P., Kirschner P., Hulshof C.D. Urban Myths about Learning and Education // Tech Trends. 2015. № 59 (6). P. 1–209. DOI: 10.1007/s11528-015-0905-3.

9. Delgado P., Vargas C., Ackerman R. and Salmeron L. Don't throw away your printed books: A meta-analysis on the effects of reading media on reading comprehension // Educational Research Review. 2018. Vol. 24. P. 23–38.

10. Fard S. M., Azman H. and Amir Z. Academic hypermedia reading at postgraduate Level: a case study of EFL learners // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 136. P. 2–7.

11. Follmer D. J., Sperling R. A. Interactions between reader and text: Contributions of cognitive processes, strategy use, and text cohesion to comprehension of expository science text. // Learning and Individual Differences. 2018. V. 67. P. 177-187.

12. Katral G., Balçikanlı C. Willingness to communicate and communication anxiety of EFL learners in a virtual world // I-manager's Journal of Educational Technology. 2018. Vol. 15 (3). P. 7-24. DOI: 10.26634/jet.15.3.14549.

13. Marsh E. J., Rajaram S. The digital expansion of the mind: implications of internet usage for memory and cognition // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2019. Vol. 8(1). P. 1–14.

14. Mizrachi D. Undergraduates' Academic Reading Format Preferences and Behaviors. // The Journal of Academic Librarianship. 2015. Vol. 41 (3). P. 301–311.

15. Öztürk E. A categorization of the language learning web tools according to bloom's digital taxonomy // 11th International Congress on Research in Education. III International Conference Research in Applied Linguistics – ICRAL. Fulltext book. 2019. P. 283-293.

16. *Roussel S., Joulia D., Tricot A., Sweller J.* Design of Educational Media // Cognitive Development in Digital Contexts. 2017. P. 217–234.

17. *Saurabh S., Gautam S.* Modelling and statistical analysis of YouTube's educational videos: A channel Owner's perspective // Computers & Education. 2019. Vol. 128. P. 145–158.

18. *Storm B.C.* Thoughts on the Digital Expansion of the Mind and the Effects of Using the Internet on Memory and Cognition // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2019. Vol. 8 (1). P. 29-32.

19. *Sweller J.* Cognitive Load Theory // Psychology of Learning and Motivation. 2011. Vol. 55. P. 37–76.

20. *Tosuncuoglu I.* English Language and Literature Students' Perceptions of Critical Thinking // International Journal of Higher Education. 2018. DOI: 10.5430/ijhe.v7n5p20.

21. *Vanslambrouck S., Zhu Ch., Pynoo B., Thomas V., Lombaerts K., Tondeur J.* An in-depth analysis of adult students in blended environments: Do they regulate their learning in an 'old school' way? // Computers & Education. 2019. Vol. 128. P. 75–87.

References

1. Baktybaev, Zh. Sh. (2017). Ispol'zovanie tekhnologii taksonomii Bluma v uchebnom processe vuza [Using Bloom's taxonomy technique in the educational process of a higher educational institution]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical Bulletin]*, 1, 150-153 [In Russian].

2. Makeeva, E. Yu. (2016). Taksonomiya ocenivaniya v onlajn-klasse [Taxonomy of assessment in an online class]. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik [Volga pedagogical Bulletin]*, 3 (12). 60-65 [In Russian].

3. Musaeva, N.N., Avliyakov N.H. (2017). Taksonomiya uchebnyh celej dlya sovremennogo uchebnogo processa sistemy srednego special'nogo i vysshego professional'nogo obrazovaniya [Taxonomy of educational goals for the modern educational process of the system of secondary special and higher professional education]. *Problems of modern education [Problemy sovremennogo obrazovaniya]*, (3), 76-81 [In Russian].

4. Syrina, T.A. (2016). Kognitivnaya vizualizaciya: sushchnost' ponyatiya i ego rol' v obuchenii yazyku [Cognitive visualization: the nature of the concept and its role in language teaching]. *Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]*, 7 (172), 81-85 [in Russian].

5. Anderson, L.W. (2001). A taxonomy of teaching and learning: A revision of Bloom's Taxonomy of educational objectives. In *L. W. Anderson & D. R. Krathwohl*, (Eds.).

6. Bilova, S. (2018). Collaborative and individual vocabulary building using ICT. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 53 (66), 31-48. DOI: 10.2478/Slgr-2018-0002.
7. Churches, A. (2008). Bloom's taxonomy blooms digitally. *Tech & Learning*, 1, 1-6.
8. De Bruyckere, P., Kirschner, P. and C. D. Hulshof (2015). Urban Myths about Learning and Education. *Tech Trends*, 59 (6), 1-209. DOI: 10.1007/s11528-015-0905-3.
9. Delgado, P., Vargas, C., Ackerman, R. and L. Salmeron (2018). Don't throw away your printed books: A meta-analysis on the effects of reading media on reading comprehension. *Educational Research Review*, 24, 23-38.
10. Fard, S. M., Azman, H. and Z. Amir (2014). Academic hypermedia reading at postgraduate Level: a case study of EFL learners. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 136, 2-7.
11. Follmer, D. J. and R. A. Sperling (2018). Interactions between reader and text: Contributions of cognitive processes, strategy use, and text cohesion to comprehension of expository science text. *Learning and Individual Differences*, 67, 177-187.
12. Katral, G. and C. Balçikanli (2018). Willingness to communicate and communication anxiety of EFL learners in a virtual world // *I-manager's Journal of Educational Technology*, Vol. 15 (3). 7-24. DOI: 10.26634/jet.15.3.14549.
13. Marsh, E. J. and S. Rajaram (2019). The digital expansion of the mind: implications of internet usage for memory and cognition. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 8(1), 1-14.
14. Mizrachi, D. (2015). Undergraduates' Academic Reading Format Preferences and Behaviors. *The Journal of Academic Librarianship*, 41 (3), 301-311.
15. Öztürk, E. (2019) A categorization of the language learning web tools according to bloom's digital taxonomy. In *11th International Congress on Research in Education. III International Conference Research in Applied Linguistics – ICRAL. Fulltext book*, 283-293.
16. Roussel, S., Joulia, D., Tricot, A. and J. Sweller (2017). Design of Educational Media. *Cognitive Development in Digital Contexts*, 217-234.
17. Saurabh, S. and S. Gautam (2019). Modelling and statistical analysis of YouTube's educational videos: A channel Owner's perspective. *Computers & Education*, 128, 145-158.
18. Storm, B.C. (2019). Thoughts on the Digital Expansion of the Mind and the Effects of Using the Internet on Memory and Cognition. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 8 (1), 29-32.

19. Sweller, J. (2011). Cognitive Load Theory. *Psychology of Learning and Motivation*, 55, 37–76.

20. Tosuncuoglu, I. (2018). English Language and Literature Students' Perceptions of Critical Thinking. *International Journal of Higher Education*. ·DOI: 10.5430/ijhe.v7n5p20.

21. Vanslambrouck, S., Zhu, Ch., Pynoo, B., Thomas, V., Lombaerts, K. and J.Tondeur (2019). An in-depth analysis of adult students in blended environments: Do they regulate their learning in an 'old school' way?. *Computers & Education*, 128, 75–87.

© Игнаткина А.Л., Тосункуоглу И.

УДК 811.111'34: 378.147

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10009

ББК 81.2

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т.С. Зотеева, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, lady.zoteewa2010@yandex.ru

Аннотация. Цифровая среда является важным составляющим компонентом обучения английскому языку в вузе. Актуальность использования цифровых технологий в преподавании английского языка заключается в том, что современные информационно-коммуникационные технологии дают возможность преподавателю обучать всем видам коммуникативной деятельности: говорению, аудированию, чтению и письму. В статье описываются приемы и методы использования ряда интернет-ресурсов для развития и совершенствования навыков владения английским языком обучающимися юридического вуза. Целью работы является обобщение практического опыта применения цифровых технологий на занятиях по английскому языку в вузе. В статье представляется подробный алгоритм работы для каждого веб-ресурса, приведенного в качестве примера. Методика работы с цифровыми ресурсами, описываемая в статье, является авторской разработкой, которая имеет практическое применение на занятиях по английскому языку в юридическом вузе. Рассматриваются различные типы информационно-коммуникационных технологий: для использования на занятии с преподавателем и для самостоятельной работы обучающихся во внеаудиторное время. Делается вывод о том, что современные информационно-коммуникационные технологии являются необходимым и всеобъемлющим средством для применения в преподавании и самостоятельном изучении английского языка.

Ключевые слова: цифровая среда, интернет-ресурс, подкаст, блог, преподавание английского языка, самостоятельная работа обучающихся.

DIGITAL ENVIRONMENT AS THE KEY COMPONENT IN TEACHING ENGLISH

Tatiana S. Zoteyeva, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3990-5395>, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, lady.zoteewa2010@yandex.ru

Abstract. Digital environment is an important component part of teaching English in an institution of higher education. Use of digital technologies in teaching English is timely due to the fact that modern

information and communication technologies give a chance to teach all the types of communication activity: speaking, listening, reading and writing. The article describes methods and ways of use of some Internet-resources in mastering of the students of Law their English skills. The aim of the paper is to summarize experience of digital technologies use in English classes. The article represents the detailed scheme of working with the Internet-resources given as examples. The method of working with digital resources is the content authoring used in English classes in the Law Academy. There are scrutinized different types of information and communication technologies: the ones using by the teacher in class and the technologies using by the students in their out-of-class study. The article concludes that modern information and communication technologies are required and global means both in teaching English and in studying it independently.

Keywords: digital environment, Internet-resource, podcast, blog, teaching of English, independent study of students.

Цифровая среда, воплощением которой являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), – это одна из важнейших составляющих современного учебного процесса. Актуальность исследования способов применения цифровых технологий при обучении английскому языку заключается в том, что использование компьютерных средств дает возможность преподавателю обучать всем видам коммуникативной деятельности: говорению, аудированию, чтению и письму. Кроме того, пользуясь цифровыми технологиями, преподаватель может постоянно совершенствовать свои знания и навыки, а также контролировать развитие коммуникативных навыков у студентов. Зимина М.В. и Люляева Н.А. определяют ряд задач, которые призвано решить применение ИКТ в процессе обучения иностранному языку: 1) повысить мотивацию обучения; 2) способствовать активизации познавательной сферы обучающихся; 3) совершенствовать методики проведения уроков; 4) своевременно отслеживать результаты обучения и воспитания; 5) планировать и систематизировать свою работу; 6) использовать как средство самообразования; 7) качественно и быстро подготовить урок (мероприятие) [1].

Огромное значение приобретает использование ИКТ самими обучающимися во внеаудиторное время. Касаткина Н.Н. и Личак Н.А. выделяют ряд следующих важных аспектов: 1) web-чаты дают возможность практиковаться в общении на иностранном языке даже самым застенчивым людям; 2) интернет-

ресурсы изобилуют доступными оригинальными материалами; 3) социальные сети предлагают общаться с реальными носителями языка из различных культурных сред; 4) всевозможные портативные устройства, используемые ранее как средства развлечения и общения, теперь становятся мощным орудием для обучения наряду с традиционными ресурсами [3: 102]. А.К. Купцова обращает внимание на то, что использование ИКТ студентами во внеаудиторное время позволяет им быть автономными обучающимися: они могут сами контролировать свое обучение и оценивать свои достижения [4: 88].

В современном интернет-пространстве существуют разнообразные ресурсы для преподавателей и студентов, изучающих английский язык. Например, программа «Профессор Хиггинс. Английский без акцента!» [5] является полным фонетическим, лексическим и грамматическим «мультимедийным справочником-тренажером», который предназначен для обучающихся любого уровня знаний языка. Программа учит понимать разговорную речь и говорить грамматически правильно с хорошим английским произношением (так называемый вариант "Би-би-си", являющийся нормой речи на английском телевидении). Обучение основано на сравнении собственного произношения с эталонным не только на слух, но и визуально, по графику на экране монитора, где представляются произносимые фонемы. Особенностью программы является возможность оценивания правильности произношения в баллах по десятибалльной системе, что позволяет максимально точно выявить и устранить ошибки произношения в процессе тренировки, а также представление результата сравнения произношения обучающегося и эталона в виде специальных графиков. Для усвоения лексического материала представлены наиболее употребительные слова разговорного английского языка, различные высказывания, пословицы, поговорки и диалоги по определенным темам. Словарный запас, предназначенный для изучения и активного употребления, – примерно 8000 слов. Раздел «Грамматика» состоит из 130 уроков, каждый из которых разделен на две части: теоретическую и практическую. В теоретической части представлены грамматические правила, табли-

цы, иллюстративные примеры. В практической части даны упражнения для тренировки и закрепления изучаемого грамматического материала.

Интернет-ресурс Teaching English [9] создан Британским советом в помощь преподавателям английского языка, работающим с обучающимися любой возрастной группы. Все материалы предоставляются онлайн бесплатно. На главной странице веб-сайта представлен интерфейс, позволяющий найти возрастную категорию, с которой работает преподаватель, и в ее рамках можно выбрать нужную тему урока, план урока, сопровождающие урок аудио или видео материалы, упражнения, нацеленные на контроль усвоения материала. Например, при работе со взрослыми обучающимися будет полезно провести занятие по теме *Airport check-in* («Регистрация в аэропорту»). Автор-разработчик данного урока Дерек Спэффорд (Derek Spafford) определяет цели урока (развитие навыков аудирования, усвоение необходимой лексики по теме, использование изученной лексики при составлении своего диалога) языковой уровень обучающихся (A2/B1), время аудиторной работы (30 мин.). Преподаватель может скачать следующие материалы: план урока, «рабочую тетрадь» студента, скрипт диалога, предназначенного для прослушивания. Перед прослушиванием диалога преподавателю рекомендуется ознакомить студентов с ключевыми высказываниями по теме. Например, *Do you have e-booking confirmation? On the scales, please. OK, that's just inside the permitted weight allowance. Have you seen the list of prohibited items for hand luggage? Would you prefer an aisle seat or a window seat? There's your boarding pass. Watch the screens for the boarding gates once you're in the departure lounge* [10]. После прослушивания диалога студентам предлагается задание по восстановлению правильной последовательности реплик в диалоге и участие в ролевой игре, где один студент берет на себя роль сотрудника аэропорта, а другой – пассажира.

Совершенствование навыков аудирования уместно и желательно проводить с использованием подкастов. Подкасты – аутентичные материалы по определенной тематике, предназначенные для прослушивания. Например, «Лучшие подкасты для студентов-юристов» [6], которые используются на

занятиях со студентами, занимающимися по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». На данном веб-сайте представлен перечень из девяти блоков подкастов, которые ведут либо практикующие юристы, либо юридические школы. Работа с юридическими подкастами может проводиться как на занятии под руководством преподавателя, так и самостоятельно самими студентами во внеаудиторное время с целью совершенствования навыков аудирования. Для студентов необходим продвинутый уровень владения языком, т.к. каждый подкаст сопровождается только кратким описанием тематики, которая обсуждается, полный скрипт диалога (беседы) не предоставляется. Например, *Law School Toolbox Podcast* [8] содержит подкасты, касающиеся обучения профессии юриста, обсуждаются проблемы, с которыми могут столкнуться студенты при обучении в юридической школе, сдаче экзаменов, поступлении в адвокатуру, построении успешной карьеры. Посетитель страницы *Law School Toolbox Podcast* может выбрать интересующую его тему беседы из представленного перечня и прослушать выбранный материал, длительность звучания – около 30 минут. Например, выбираем тему беседы *Making Time Class Productive in Law School* («Как сделать продуктивной работу на занятии в юридической школе»). Этот подкаст представляет собой беседу ведущей с одним из преподавателей *Law School Toolbox* по заявленной тематике. Преподаватель дает студентам-юристам ряд советов, как максимально полезно использовать аудиторное время, длительность звучания – 33 минуты. Есть возможность скачать данный подкаст и прослушивать его, не выходя в Интернет. Алгоритм работы с подкастом на занятии под руководством преподавателя может состоять из следующих этапов: 1) представление новой лексики; 2) прослушивание подкаста сначала поэтапно небольшими отрывками, затем полностью; 3) бывает целесообразно для совершенствования правильного произношения просить студентов повторить некоторые высказывания с копированием нужной интонации; 4) обсуждение тематики подкаста. На этом этапе преподаватель выявляет, как обучающиеся поняли основную тему беседы и насколько точно и грамотно они могут воспроизвести в собственном пересказе проблематику услышан-

ного. Работа с подкастом представляет собой творческий процесс и часто случается, что при прослушивании и обсуждении аудиоматериала требуется более тщательно проработать какой-либо отрывок подкаста, обратиться к специализированным словарям, более подробно изучить представленную проблему и выслушать мнения студентов по обсуждаемой тематике, которые могут перерасти в «горячую» дискуссию.

Современные цифровые технологии дают возможность обучающимся совершенствовать свои знания и навыки, занимаясь самостоятельно в удобное время. Среди многочисленных интернет-ресурсов для самостоятельного изучения английского языка мы выбрали в качестве примера блог «Инглекс» [7]. Блог – это интернет-журнал по определенной тематике. «Инглекс» содержит ряд разделов, посвященных грамматике английского языка, разговорной лексике, деловому английскому, английскому языку для туристов, есть раздел, рассказывающий об экзаменах разных уровней и содержащий практические советы для их успешной сдачи. Блог представляет также различные интервью, видеозаписи передач британского и американского телевидения, т.е. является информативным и разносторонним интернет-ресурсом. Например, студентам-юристам будет полезно выработать навык правильного написания деловых писем на английском языке. Выбираем раздел «Деловой английский». Существуют разнообразные типы деловых писем, среди них следует отметить как одни из наиболее востребованных в ситуациях делового общения, письма-запросы информации и письма-ответы на запросы. Информация, которая предоставляется о данных типах писем, нацелена именно на самостоятельное изучение материала взрослыми обучающимися. Сначала на русском языке дается краткая характеристика каждого из указанных типов писем, составляется план письма, затем представляются основные фразы-клише с переводом на русский язык и образцы писем, которые можно скачать и использовать в работе, не выходя в Интернет. Например, для написания письма-запроса информации рекомендуется использовать следующие фразы-клише: *I am writing to inquire about..., I am writing in connection with..., Could you possibly send..., Would it be possible for you to tell*

me..., I would appreciate some information about..., I would also like some information on... [2]. Письмо-ответ на запрос может содержать такие фразы-клише: *I am writing in response to your letter..., I am writing to inform you about..., In answer to your inquiry about..., I hope I have been of some assistance to you, I hope I have answered all your questions, Please do not hesitate to contact us should you require any further information [2].*

Представленное в работе исследование некоторых интернет-ресурсов позволяет сделать вывод о том, что современные цифровые технологии являются необходимым и всеобъемлющим средством для развития и совершенствования навыков владения английским языком как во время аудиторной работы под руководством преподавателя, так и во время самостоятельной внеаудиторной работы обучающихся.

Список литературы

1. Зими́на М.В., Люляева Н.А. Использование информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранных языков // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26678>.

2. Как писать письмо-запрос информации, ответ на него и письмо с предложением решения проблемы. URL: <https://englex.ru/letter-of-inquiry-and-letter-providing-suggestions/>.

3. Касаткина Н.Н., Личак Н.А. Использование ИКТ в преподавании иностранного языка в вузе в рамках компетентностного подхода // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 100-107.

4. Купцова А.К. Веб-ресурс для саморегулируемого обучения иностранному языку // Высшее образование в России. 2016. № 12. С. 88-93.

5. Профессор Хиггинс. Английский без акцента! URL: <http://www.istrasoft.ru/higgins.html>.

6. Best Podcasts for Law Students. URL: <https://www.thoughtco.com/best-podcasts-for-law-students-2154998>.

7. Englex. URL: <http://englex.ru>.

8. Law School Toolbox Podcast. URL: <https://lawschooltoolbox.com/podcast/>.

9. Teaching English | British Council | BBC. URL: <http://www.teachingenglish.org.uk>

10. *Teaching English* / *British Council* / *BBC*. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/transcript.pdf>.

References

1. Zimina, M.V., Ljuljaeva, N.A. (2017). Ispol'zovanie informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v prepodavanii inostrannyh jazykov [Information and Communication Technologies Use in Foreign Languages Teaching]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern Problems of Science and Education], 4. Retrieved from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26678> [in Russian].

2. *Kak pisat' pis'mo-zapros informatsii, otvet na nego i pis'mo s predlozheniem resheniya problemy*. [How to write the letter of enquiry, the answer to it and the letter solving the problem] Retrieved from <https://englex.ru/letter-of-inquiry-and-letter-providing-suggestions/> [in Russian].

3. Kasatkina, N.N., Lichak, N.A. (2018). Ispol'zovanie IKT v prepodavanii inostrannogo jazyka v vuze v ramkah kompetentnostnogo podhoda [The Application of Modern Technology in the English Language Classroom within the Framework of the Competency-Based Approach]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2, 100 – 107 [in Russian].

4. Kuptsova, A.K. (2016) Veb-resurs dlja samoreguliruemogo obuchenija inostrannomu jazyku [Web-Resource for Self-Regulated Foreign Language Acquisition: Content and Learning Possibilities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 12, 88 – 93 [in Russian].

5. *Professor Khiggins. Angliyskiy bez aktsenta!* [Professor Higgins. English without accent] Retrieved from <http://www.istrasoft.ru/higgins.html> [in Russian].

6. *Best Podcasts for Law Students*. Retrieved from <https://www.thoughtco.com/best-podcasts-for-law-students-2154998>.

7. *Englex*. Retrieved from <http://englex.ru>.

8. *Law School Toolbox Podcast*. Retrieved from <https://lawschooltoolbox.com/podcast/>

9. *Teaching English* / *British Council* / *BBC*. Retrieved from <http://www.teachingenglish.org.uk>

10. *Teaching English* / *British Council* / *BBC*. Retrieved from <https://www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/transcript.pdf>

© Зотеева Т.С.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ (BOOK REVIEWS)

УДК 81'373.237

DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10010

ББК 81.053

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ

(Игнаткина А.Л. Культура управления или технология манипулирования? *PR: единство и борьба противоположностей*. Саратов: ИЦ «Наука», 2017. 183 с.)

Ю. А. Кузнецова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, kuznetsova.julya@mail.ru

Аннотация. Рецензируемая монография посвящена исследованию комплексному исследованию концепта PUBLIC RELATIONS (PR) как в генезисе, так и с позиций современной реальности, в том числе и лингвокультурной.

Ключевые слова: PR, концепт, лингвокультура, когнитивная метафора.

LINGUISTIC CULTURAL CONCEPTS

(Ignatkina A. L. Management culture or manipulation technology? *PR: the unity and struggle of the opposites*. Saratov: PC "Nauka", 2017. 183 p.)

Julya A. Kuznetsova, ORCID: 0000-0001-8851-242X, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, kuznetsova.julya@mail.ru

Abstract: The monograph under review is devoted to a comprehensive study of the concept of PUBLIC RELATIONS (PR) both in from the point of view of its origin and from the standpoint of contemporary reality, including linguistic and cultural.

Keywords: PR, concept, linguistic culture, cognitive metaphor.

В последнее время все большую популярность приобретают комплексные междисциплинарные подходы к исследованию научных проблем гуманитарных дисциплин. Безусловно, к таким актуальным проблемам относится изучение регулятивной функции языка, реализуемой в самых разных видах убеждающей коммуникативной деятельности, среди которых PR-деятельность занимает особое место. Противоречивость целевой и функциональной специфики PR, истоки которой заключены в природе данной деятельности – в стремлении к гармонизации общества и содействии целям субъекта – привлекает интерес исследователей разных научных областей. Единение противоположностей в PR нашло отражение в научной литературе: имеется ряд публикаций по проблемам PR-деятельности, в которых исследуется ее роль в формировании социального пространства, обсуждаются и связанные с этой деятельностью этические проблемы. Однако стоит отметить, что этот материал носит достаточно разрозненный характер. В этом плане несомненным достоинством работы А.Л. Игнаткиной является попытка исследовать проблематику PR в разных ракурсах: как в генезисе, так и с позиций современной реальности, в том числе и лингвокультурной.

В рецензируемой монографии представлены результаты комплексного исследования концепта PUBLIC RELATIONS (PR) в системе знаков американской и британской лингвокультур, в которых он зародился, а также внутри всеобщего культурного континуума в контексте близкого взаимодействия различных культурных сообществ, в том числе и русского. Сегодня PR является неотъемлемой составляющей массовой коммуникации на глобальном уровне, он имеет множество «окрасок» (белый, черный, розовый, зеленый, коричневый, серый), его технологии претерпевают изменения в результате появления новых моделей потребления, однако название, придуманное гуру эффективной коммуникации Эдвардом Бернейсом, продолжает сохраняться и ничего другого или лучшего пока придумано не было. Термин *public relations* был заимствован многими лингвокультурами, в которых он либо сохранил свою исконную форму, либо был калькирован, либо транслитерирован (ср.: *public relations*, PR (англ.), *Öffentlichkeitsarbeit* (нем.); *relaciones pú-*

blicas (исп.); *relations publiques* (фр.); *pubbliche relazioni* (итал.); *PR, паблик рилейшенз, пи-ар, пиар, связи с общественностью* (рус.)). В монографии приводится анализ номинации *public relations* с точки зрения отражения в ней признаков соответствующего концепта, выявляются главные смысловые векторы, мотивирующие связь номинации *public relations* с концептом PR, что позволяет автору говорить о своеобразном противоречии уже на уровне семантики. Это становится отправной точкой дальнейших рассуждений и позволяет автору выстроить логику научного аппарата исследования и его доказательную базу.

Актуальность исследования, представленного в монографии, определяется связью исследуемых теоретических вопросов с актуальными проблемами современной науки. Современный мир является свидетелем и участником невиданного по размаху и интенсивности процесса развития новых областей человеческой деятельности. Вместе с этим развиваются и новые области знания, их обслуживающие, а также формируются и новые отраслевые направления базовых наук. Лингвистика не является исключением: ее прикладные направления почти столь же разнообразны, как и области практической деятельности человека. Сегодня ведется плодотворная работа в русле так называемых «двойных» дисциплин (когнитивной, социо-, политической, юридической и прочих лингвистик). Исследование А.Л. Игнаткиной принято в русле когнитивной лингвистики – направления, интересующегося исследованиями широкого круга аспектов человеческого бытия, от концептуальной системы до контекста эпохи и культуры. Когнитивный подход позволил автору подойти к изучению проблемы отражения в языке результатов восприятия и осмысления окружающего мира с разных сторон когнитивной деятельности, в том числе раскрыть такое ее свойство, как метафоричность и оценочность.

Концепт PR изучается с позиций межкультурных исследований: как элемент разных национальных концептосфер и культур он несет в себе их следы, которые, отразившись в языке, открывают доступ к выявлению национально-культурных различий. Национально-культурная специфика языко-

вой репрезентации концепта PR, которая стала основным фокусом в данном исследовании, способствует разрешению таких актуальных общенаучных задач, как создание целостной концепции соотношения языка, мышления, внеязыковой действительности и национальной культуры.

Актуальность тематики исследования усиливается общей антропоцентрической направленностью работы. Элементы дискурсивного анализа, применяемого в работе, помогают пониманию того, как PR осознается современным человеком, будь то сам пиарщик, или субъект пиара (потребитель). Такой анализ представляется небезынттересным как с научной, так и бытовой точки зрения: объектами пиара являемся мы все без исключения, а значит любому из нас полезно понять суть данного явления.

Исследуемый концепт является элементом как профессиональной, так и коллективной концептосферы конкретного национально-культурного сообщества, что позволило А. Л. Игнаткиной расширить диапазон исследования и выявить соотношение долей интернационального и культурно-специфического как на уровне национального, так и на уровне профессионального слоев концепта. Указанные характеристики концепта PR обуславливают многоаспектность исследования и определяют перспективность изучения данной ментальной структуры и его языковых репрезентаций в рамках междисциплинарного подхода, направленного на разрешение центральной задачи лингвистики антропологического направления: выявить, каким предстает современный человек в зеркале языка, который им создан и которым он пользуется.

В монографии использован внушительный научный аппарат. В **первой главе** «Теоретические основы исследования концепта PR» представлен обзор лингвофилософских концепций, по-разному трактующих природу взаимосвязи между языком, человеком и окружающим миром; рассматривается проблема соотношения языковой и концептуальной картин мира; определяется понятие концепта; обозначаются лингвистический, социокультурный и межкультурный аспекты исследования концепта; рассматриваются структура концепта и способы его репрезентации.

На основе проведенного аналитического обзора работ, неоднозначно трактующих соотношение концептуальной модели мира и языковой картины мира, автор поддерживает точку зрения, высказанную лингвистами отечественных школ, согласно которой данные сущности следует рассматривать как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа к этому содержанию.

Структура концепта определяется автором в терминах «этимологический слой», «универсальный слой», «национальный слой» и «профессиональный слой», в русле подхода, предложенного Ю.С. Степановым² и разработанного в исследованиях его последователей. Данная классификация слоев концепта представляется оправданной по следующим причинам. Во-первых, она позволяет привлекать экстралингвистическую информацию, которая способствует выявлению факторов возникновения и развития концепта, а также, в совокупности с языковыми данными, помогает глубже исследовать концепт и максимально полно описать его признаки. Во-вторых, данная классификация позволяет учесть межкультурный аспект исследования концепта. Культурные связи, возникающие в процессе экономического, политического и научного сотрудничества нескольких стран, способствуют унификации окружающей действительности и приводят к почти одновременному появлению в нескольких культурах «интернационального» понятия, на базе которого формируются концепты со «следами» определенной культуры.

На мой взгляд, используемая в работе теоретическая база исследования концепта PR может применяться для изучения других концептов, обладающих социокультурной и межкультурной значимостью. Разработанный подход к анализу фразеологических репрезентантов концепта PR позволяет выявить национально-культурные аспекты и дает возможность расширить диапазон когнитивных исследований тех концептов, которые являются фраг-

² Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

ментом взаимосвязанных и взаимодействующих национальных концептосфер, объективируемых одним языком.

Вторая глава «Концепт Public Relations: единство и борьба противоположностей» содержит 5 параграфов, в которых представлен детальный анализ концепта PR, с учетом экстралингвистических факторов его формирования и развития, анализируются его языковые репрезентации, используются приемы дискурсивного анализа в исследовании фактического материала.

Один из важнейших тезисов, осмысленных и раскрытых в рамках монографии, состоит в том, что именно концепт и когнитивная метафора, лежащая в основе его осмысления, определяют семантику языковых средств, используемых для его выражения (параграфы 2.2.2; 2.2.3). Совокупность этих сущностных компонентов концепта PR и отражает, и предопределяет дихотомию теории и практики PR – эксплицитную нравственную составляющую и имплицитный манипулятивный компонент.

В своих рассуждениях автор убедительно доказывает, что выбор номинации “*public relations*” для именованного исследуемого концепта был мотивирован, во-первых, интенцией акцентировать концептуальные признаки, которые являлись наиболее значимыми для отражения новой убеждающей деятельности, необходимой для американского общества на определенном этапе его политического, экономического и культурного развития; во-вторых, необходимостью дифференцировать новый профессиональный концепт в ряду других концептов убеждения (*lobbying, propaganda, advertising*). Обширный иллюстративный материал и наблюдения автора, графически представленные в таблицах (с.62; с. 69), подкрепляют вывод автора, что номинация *public relations* построена на своеобразном семантическом контрасте. Здесь соединяются противоположные смыслы: в семеме *public* аккумулярован признак массовости, многочисленности, обобщенности людей, что уже само по себе исключает индивидуализацию, а в семеме *relations* – признак близости, интимности, преобладания индивидуального над общим. С другой стороны, обе семемы включают сему ‘*people*’, отсюда и возникает усиление ассоциации с человеческим общением, что является определяю-

щим, базисным концептуальным признаком номинации при ее альтруистическом толковании. Противоречивость целевой и функциональной специфики PR нашла отражение в разделении автором концептуального признака, подчеркивающего направленность этой деятельности на создание доброжелательных, гармоничных отношений между субъектом и общественностью, и признака прагматического. В модели двусторонней ассиметричной коммуникации демонстрация искреннего, открытого взаимодействия является манипулятивным приемом, с помощью которого, в обход психологических и когнитивных барьеров публики, субъект добивается утверждения в социуме.

В поисках ответа на вопрос о метафоре концепта PR, автор исследует его фразеологические репрезентации и приходит к выводу, что областью-источником для осмысления PR-деятельности стала *игра*. Использование образов, связанных с театром, войной, состязанием, в подавляющем большинстве собранных автором примерах позволяет автору прийти к такому выводу. Обращаясь к знанию об архаических культурах, автор устанавливает, что категории борьбы и игры в них не были разведены. Проследившая онтологическую связь с игрой таких видов человеческой деятельности, подразумевающих присутствие элементов противоборства, как война, охота, спортивное соревнование, А. Л. Игнаткина правомерно признает *игру* базовой когнитивной метафорой концепта PR (PR – GAME), с включением производных от нее метафор PR → CONTEST; PR → PERFORMANCE.

Монография А. Л. Игнаткиной содержит Приложение (с. 161-181), в котором представлен корпус текстов, объединенных своей принадлежностью к PR-дискурсу. Каждый текст сопровождается заданиями, комментариями, ссылками на интернет-источники. Практическая ценность рецензируемой монографии «Культура управления или технология манипулирования? PR: единство и борьба противоположностей» А.Л. Игнаткиной заключается в возможности применения его основных положений и выводов в курсах лекций по лексикологии английского языка, спецкурсам по когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации, журналистике, страноведению, лингвокультурологии, для решения некоторых прикладных задач, в частно-

сти, для анализа современного состояния политического дискурса на предмет выявления новых приемов вербального воздействия. Результаты исследования могут быть полезны и для разработки практических рекомендаций не только для политической коммуникации, но и других разновидностей современного медийного дискурса. Результаты и материал работы могут быть использованы в качестве актуального материала на практических занятиях по английскому языку.

© Кузнецова Ю.А.

О ЖУРНАЛЕ

Журнал «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication») издается Редакцией журнала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». Устав академии предусматривает в числе других издательскую деятельность. Редакция проводит полную редакционную обработку статей, а также размещение их электронных копий в различных базах данных. Печать журнала производит типография Издательства федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Журнал имеет своей целью информирование научного сообщества о современном состоянии и развитии подязыков науки, а также проблем преподавания языковых дисциплин обучающимся вузов.

В журнале публикуются статьи на русском и английском языках в соответствии с двумя рубриками:

1. Лингвистика.
2. Лингводидактика.

Тематика статей должна быть связана с различными аспектами профессиональной коммуникации в разноструктурных языках.

Статьи, опубликованные в журнале «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication»), индексируются в национальной библиографической базе данных научного цитирования «Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)», научной электронной библиотеке «КиберЛенинка». Электронные копии статей размещаются на сайте журнала <http://сгюа.рф/ru/yazyknauki>. Печатный журнал распространяется по подписке через каталог Агентства «Роспечать». Подписной индекс: 88740.

Адрес редакции: 410056, Саратов, ул. Вольская, 1, офис 618.

Телефон: 8(8452)-29-90-47.

E-mail: a-zarayskiy@list.ru

Сборник практических заданий по стилистике английского языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2021. 200 с.

Пособие включает четыре раздела и дополнительные упражнения. В разделах рассматриваются основные стилистические приемы, представленные на различных языковых уровнях. Каждый раздел содержит практическую часть, направленную на закрепление теоретических положений. Дополнительные упражнения позволяют упрочить полученные практические навыки по определению стилистических приемов, выполняемых ими функций и создаваемых ими стилистических эффектов. Источниками упражнений в практической части пособия послужили произведения классических и современных англоязычных авторов; источниками теоретических положений и иллюстративного материала являются интернет ресурсы.

Пособие рекомендуется для изучения курса «Стилистика английского языка» студентами филологических специальностей.

Подробнее:

<https://www.labirint.ru/books/763243/>

ПЛАНИРУЕТСЯ К ИЗДАНИЮ

Максимова С.Ю., Мацюпа К.В., Илюхин Н.И. Практический курс английского языка: учебник для студентов юридических вузов. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2021 г.

Учебник «Практический курс английского языка: учебник для студентов юридических вузов» предназначен для студентов-бакалавров 1 курса очной формы обучения по направлению подготовки: 40.03.01 – «Юриспруденция» по дисциплинам: «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере юриспруденции».

Основной целью издания является повышение исходного уровня владения иностранным языком и формирование у обучающихся иноязычных компетенций, позволяющих им решать социально-коммуникативные задачи в различных ситуациях общения, в различных областях профессиональной деятельности, осваивать навыки профессиональной коммуникации на иностранном языке, изучать профессиональную терминологию, необходимую как для устных и письменных форм общения, так и для правильного и полного понимания содержания прочитанного.

Учебный материал, изложенный по принципу «от простого к сложному», способствует закреплению навыков деловой коммуникации на иностранном языке, умений информативного и поискового чтения иноязычной литературы по специальности у студентов с различным уровнем знаний, как под руководством преподавателя, так и самостоятельно. Учебные тексты, дополненные соответствующими интернет-ресурсами и заданиями, позволяют участникам образовательного процесса заниматься дистанционно с использованием различных платформ, сервисов и веб-приложений.

ЯЗЫК НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

LANGUAGE OF SCIENCE AND PROFESSIONAL COMMUNICATION

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2(3) 2020

Редактор, корректор – *Е.А. Елина*
Компьютерная верстка – *С.П. Нечитайло*

Сдано в набор 27.07.2020. Подписано в печать 23.10.2020. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 500 экз. Заказ № 235.

Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.